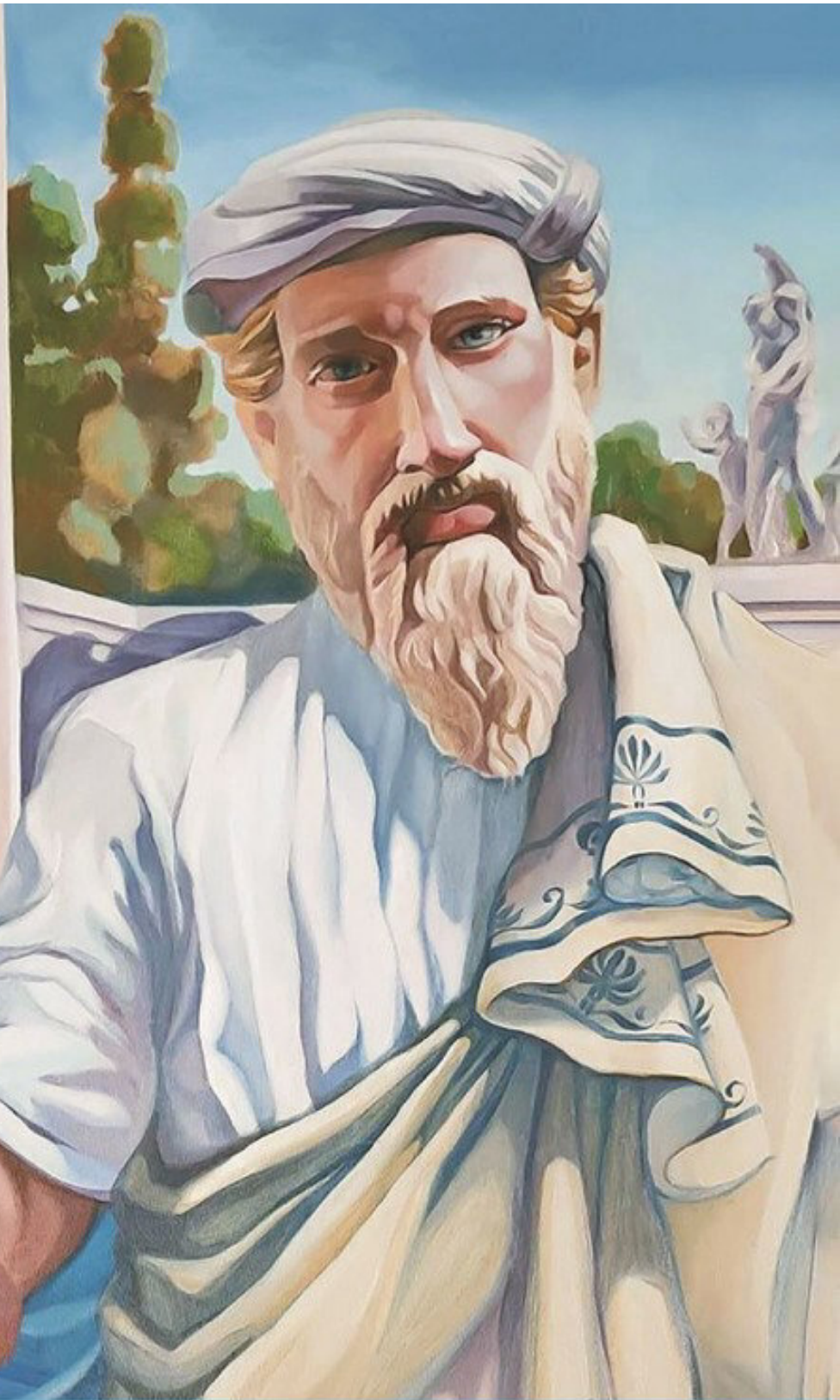

18+

Александр Морфей

ПИФАГОРЕЕЦ

Александр Морфей

Пифагореец

«Издательские решения»

Морфей А.

Пифагореец / А. Морфей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624095-7

Главный герой книги попадает в автомобильную аварию, в результате чего оказывается в Древней Греции. Там, по воле обстоятельств, он встречается с Пифагором, который знакомит его с некоторыми положениями своего учения, рассказывает о своей школе. Книга, также, излагает альтернативную научную точку зрения на происхождение и устройство мира, и на некоторые религиозные учения. Сама книга написана в легком стиле, с частыми вкраплениями юмора, чтобы сделать её чтение более легким и приятным.

ISBN 978-5-00-624095-7

© Морфей А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Утро в бокале	6
Глава 2. Кто я? Где я? Когда я?	8
Глава 3. Пифия	13
Глава 4. Дивный остров Самос	19
Глава 5. Первая встреча	22
Глава 6. А в это время в Афинах	31
Глава 7. Недоброе утро первого дня	34
Глава 8. Победить Дракона. Своего	40
Глава 9. Будущее не так страшно, как его рисуют	49
Глава 10. Нас ждут великие дела	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пифагореец

Александр Морфей

Дизайнер обложки Марина Старцева

© Александр Морфей, 2024

© Марина Старцева, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-4095-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Утро в бокале

Делать было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, – дело нелегкое.
Льюис Кэрролл

Ранний восход солнца в Афинах – это нечто завораживающее. Особенно в конце апреля, когда стоит безоблачная погода. Самого солнца еще не видно, но его лучи уже показываются на море из-за горизонта.

Витрины ночных заведений Леофоро Посидонос все еще горели разноцветными неоновыми огнями, но уже начинали тускнеть на фоне робкого света восходящего солнца.

Конец апреля в Афинах – это чудесное время. Уже не холодно, но еще и не жарко. Если вспомнить, как любят шутить ранней весной в Средиземноморье: «Когда уже закончится этот ужасный холод и начнется эта ужасная жара», – то конец апреля в Афинах – это как раз золотая середина, когда можно наслаждаться приятной погодой и перевести дух.

Ранним утром все еще стоит легкая прохлада, но уже можно ходить с короткими рукавами. Установились солнечные дни, но солнце еще не имитирует жару в аду, а пока создает и поддерживает замечательное настроение.

Теодор Паппас, к сожалению, всей этой красоты уже не видел. Он ехал ранним утром на своей повидавшей жизнь синей БМВ «трешке» из казино в направлении дома. Ночь не задалась. Как можно было столько проиграть и столько выпить? В данную минуту Тео ехал за рулем своей машины и решал заведомо неразрешимую задачу: он так напился из-за того, что столько проиграл, или столько проиграл из-за того, что так напился?

Ему казалось, что если он сейчас найдет ответ на этот экзистенциальный вопрос, то этот самый ответ, обязательно должен быть жизненно важным и поучительным, и он сразу все изменит к лучшему, правда, пока непонятно, как и чем именно.

И зачем он снова поссорился с Еленой? Или это она с ним поссорилась? Даже не получилось вспомнить, из-за чего.

Елена была его первой любовью еще со школы. Но, в отличие от Тео, она прекрасно знала, чего хочет от жизни, и разрывалась между своими чувствами к нему и его инфантильностью. Она хочет семью и детей, дом и собаку. Ей уже четвертый десяток, а возможность устроить такую жизнь с Тео тает на глазах и даже не просматривается на горизонте. А он хочет... Никто не знает, чего он хочет, и даже он сам. Просто живет, как живется. Работает, зарабатывает деньги, которые по выходным проигрывает или пропивает в свое удовольствие. А что? Клубы и казино – это тоже вполне жизненный выбор. Тео это нравилось, тогда зачем же что-то менять?

Ему тридцать шесть – ну и что? Это же не шестьдесят три! Появились седые волосы и залысины? Ну и что? Седина добавляет шарма, а залысины добавляют авторитет. Нет семьи, нет детей? Так это же здорово! А если бы была семья и дети, ехал бы он сейчас, пьяный в хлам, под утро из казино? Вот! «Так что всё, что ни делается, – это к лучшему!» – думал Тео, пробираясь все ближе к дому сквозь бесконечные светофоры.

У Елены была типичная внешность гречанки – все ее атрибуты, без исключения: профиль, словно высеченный из мрамора, симметричный и безукоризненный, густые черные вьющиеся волосы, собранные в шарик на макушке, большие карие глаза и выразительно изогнутые брови над ними. Она была среднего роста, с изящной фигурой, обтянутой, как правило, голубыми джинсами и белой блузкой. Елена всегда носила удобную одежду и обувь. Она отдавала предпочтение удобству и практичности, а не моде.

У нее был вспыльчивый, но не скандальный характер. Сама себя она считала человеком рациональным, но это не лишало ее определенной доли романтизма.

В школе Елена никогда не была отличницей, но и не числилась в отстающих. Она с детства реально осознавала свои возможности и прикладывала к учебе и ко всему остальному ровно столько усилий, сколько было необходимо для ее уровня.

Сочетание природной красоты, рационального мышления и романтизма – само по себе явление довольно редкое и приятное.

Сравнивая же Тео со стереотипом грека, можно смело сказать, что между ними – совершенно ничего общего. Ростом выше среднего, темные волосы с существенными залысинами, а также с изрядной долей седых волос. К тому же, выпуклый живот, создающий впечатление 4-месячной беременности, делал Тео похожим на кого угодно, только не на грека.

Характер у него был... или характера у него не было? Нет, у него были отличные интеллектуальные способности, и он вполне мог бы сделать успешную карьеру технической направленности. И человек он неплохой – за ним не было замечено никакой подлости или ядовитости. Но его проблема состояла в том, что ему в жизни не нужно было ровным счетом ничего. Он попал в удачную для себя колею – работал программистом, получал достойное вознаграждение без каких-либо сверхусилий и вальяжно, с комфортом катился по жизни – эдакий баловень судьбы.

В школе Тео вполне мог бы стать отличником. Как однажды сказал классик: «Успех – это 1% таланта и 99% труда». Талант у Тео, безусловно, был, но вот желания трудиться за ним замечено не было. Учеба в необходимых пределах давалась ему легко, но подняться выше этих средних рамок не наблюдалось ни желания, ни мотивации.

Окружающий комфорт сыграл с ним злую шутку – он с головой погрузился в развлечения и удовольствия: казино, бары с пивом и друзьями – и даже не замечал, что рядом почти никого нет из близких людей. Он даже не помнил, когда последний раз виделся с мамой.

И вот что думала Елена, находясь рядом с таким человеком, и на что она надеялась, было известно только ей. Несмотря на то, что они были вместе уже очень давно, жили они отдельно и встречались не так часто. Она, по-видимому, надеялась на совместное светлое будущее, а он, похоже, ее просто принимал как данность, которая от него никуда не денется, и не придавал ей особого значения и внимания.

...А вот уже и дом показался. Впереди светофор лениво переключился с зеленого на желтый, подозрительно посмотрел на летящую в его направлении синюю легковушку и презрительно переключился на красный. Но Тео этого уже не видел. Он всегда говорил себе, что главное – не уснуть по дороге домой. Он честно выполнил свое обещание и проехал всю эту дорогу с открытыми глазами, но он же не обещал себе не уснуть прямо возле самого дома! И сейчас мирно похрапывал, все еще держась за руль и всецело доверившись судьбе.

На перекрестке послышался резкий сигнал, гораздо громче, чем его пьяный храп. Блеснул свет фар слева, и что-то сильно ударило Тео в левый бок. Он даже не мог увидеть, что произошло, – в этот момент, его глаза были еще/уже закрыты...

Когда прибыли полиция и скорая помощь, Тео этого тоже не видел. Обычно крепкий сон – залог здоровья, но крепкий сон за рулем иногда может привести и к обратному эффекту. Многие люди, побывавшие в подобной ситуации, рассказывают, как у них в одно мгновение вся жизнь проносилась перед глазами. У Тео же перед глазами не проносилось ровным счетом ничего – он спал, как младенец. Вот уж сейчас можно было точно сказать: «Проспал всю жизнь». Но этот младенец был в таком сильном опьянении, что никаких снов наверняка в тот момент он все равно не видел. Иные рассказывают об опыте полета в тоннеле и ярком свете в его конце. Наш Тео проспал и тоннель. Можно сказать, что все самые яркие впечатления последних моментов жизни обошли стороной этого пухлого «подростка» с сединой.

Глава 2. Кто я? Где я? Когда я?

– Какой странный сегодня день! А еще вчера все шло, как обычно!
Льюис Кэрролл

На берегу самого синего моря, лежал молодой человек лет восемнадцати, среднего роста и приятной наружности, с длинными темными волосами. Одет он был в длинный белый хитон и светлый плащ поверх него. Глаза были закрыты, его голова и лицо окровавлены, а одежда слегка порвана и испачкана. Весь внешний вид юноши говорил, что вчера был не его день.

Море выглядело на редкость спокойным, и только шумные крики голодных чаек, заприметивших добычу, нарушали размеренный шепот легких волн. Молодой человек медленно открыл глаза, посмотрел впереди себя и, тихо сказав: «Да ну, нафиг!» – тут же снова их закрыл. Однако крик чаек не оставил юноше никаких шансов, и ему снова пришлось открыть глаза. Сначала он посмотрел на море, потом на свою одежду и с большим удивлением, медленно выговорил: «Это что за маскарад? Это что же нам вчера в казино наливали? Или раздавали на дегустацию?» Затем подумал: «Господи, что же так голова болит-то? Зачем же я вчера так набрался? Никогда такого раньше не было, и вот опять. Наверное, старею...»

Он подошел к воде и наклонился, чтобы умыться. Из зеркала ровной водной глади на него смотрело отражение лица, которое он никогда раньше до этого не видел. Сделав большие круглые глаза, юноша издал вопль, общий смысл которого можно литературно выразить как: «Это что такое??» Это был Тео. Но тот, кто смотрел на него из воды, – был явно не он.

Сознание Теодора начало быстро к нему возвращаться, и он уже отчетливо понимал, что, с одной стороны, он уже не спит и критически осознает и анализирует происходящее. Но, с другой стороны, это лицо и тело, которые сейчас лицезрел, он явно видел впервые за все свои 36 лет. Да и это тело, похоже, прожило значительно меньше и вело значительно более здоровый образ жизни, чем он.

Форма кистей рук и ногтей была совершенно иная, фигура и форма ног – тоже. Тело значительно ниже оригинального. Одним словом, ничего в увиденном не напоминало и даже не намекало на Тео.

«Я понимаю, что человек может похудеть в ширину. Но разве можно похудеть в высоту? – задавал он сам себе риторические вопросы. – Если у меня по-прежнему присутствует чувство юмора, значит, я еще существую», – почему-то заключил Тео.

Сидячая работа обычно вносит свои коррективы в физическое состояние программиста – это и сутулость, и наличие дополнительных объемов тела спереди, а иногда и сзади. Если кто-то думает, что главный рабочий орган программиста – голова, то он ошибается. Программист может иногда думать, а иногда и нет. А вот сидит он всегда, а посему главный рабочий орган программиста – это... правильно, его мягкое заднее место.

Но тут, у сегодняшней версии своего тела, всех этих последствий постоянно сидячего и чрезвычайно умственного труда Тео пока не обнаруживал.

«Ничего себе апгрейд!» – воскликнул Тео, не замечая, что говорит это вслух. Но его радость быстро сменилась тревогой: «Где я? Где мой телефон и документы? Где моя машина?» Тео все-таки решил искупаться и привести себя в порядок. После короткого омовения в прохладной соленой воде он немного обсох на солнце и выдвинулся на поиски душа, воды, еды, а также нормальных и законопослушных граждан, чтобы получить ответы хотя бы на часть своих актуальных вопросов.

Отмывшись от крови и грязи, он попытался упорядочить мысли.

«Странное место, – подумал он, – пляж неухоженный, гостиниц не видно. В море ни одной яхты. Странно это. Вот будет номер, если я каким-то образом, пока спал, попал на необи-

таемый остров! Кому расскажу, никто не поверит: я – Робинзон Крузо! Ладно, посмотрим, что будет дальше», – сказал про себя Тео и увидел тропинку, которая вела с берега на верхушку холма.

Походкой бравого рыцаря после сильной попойки юноша побрел навстречу неизвестности. Тео разумно рассуждал, что если бы его тупо ограбили пьяного, то он сейчас был бы или где-то в кустах, в своей обычной одежде, или... а может, это он действительно на том свете? Это объяснило бы его странную одежду и отсутствие любых признаков жизни на море и вокруг. Но никак не объясняет неизвестное свое изображение, которое он видел в воде.

Примерно через полчаса ходьбы ленивой походкой Тео увидел селение и людей. Все это было похоже на съемочную площадку какого-то фильма про Древнюю Грецию – люди в традиционных одеждах, дома, похожие на глиняные мазанки.

«О, кино снимают! А какие декорации качественные! Наверное, ребята из Голливуда пожаловали, и с приличным бюджетом! Вот будет интересно, если это они „Трою-2“ снимают, а я вдруг попал на съемки!» – подумал юноша и бодро зашагал в сторону съемочной площадки.

Мысль о том, что на нем сейчас такая же одежда, как и на участниках этих съемок, ему в голову почему-то не пришла. Однако приблизившись к сему действу, Тео вдруг обратил внимание, что столбов и фонарей освещения, как и микрофонов с камерами, тут не видно. Также, если это съемки, то, значит, кто-то должен это снимать, т. е. актеры и массовка должны быть вместе с теми, кто их снимает, ну кто там есть у киношников? Режиссеры, операторы, костюмеры – они-то должны быть в нормальном виде! Как и машины, перевозящие оборудование и реквизит!

Наверное, должны. Но ничего этого нигде не было. Все выглядело девственно древним, куда пока не ступала суровая и беспощадная нога цивилизованного европейского человека. Вначале Тео оторопел от того, что увидел. Холодок прошелся у него от макушки головы до желудка и остался где-то там, в его глубине. Затем Тео решительно взял себя в руки и попытался обдумать все логически.

– Я, мягко говоря, не очень внешне напоминаю себя. И теперь к списку главных вопросов «Где я? Кто я?» закономерно добавляется еще один вопрос: «Когда я?» И это уже не смешно, – размышлял Тео то ли вслух, то ли про себя. Постояв немного, уставившись на деревню, и поразмыслив, он решил, что сейчас у него нет никакого рационального объяснения тому, что он сейчас наблюдает, и поэтому самое разумное – просто подождать и посмотреть, что будет дальше. Возможно, позже он сможет найти объяснение происходящему.

Тео вошел в деревню и пошел вдоль небольшой узкой улицы в направлении группы людей, также в одежде древних греков. На него никто не обращал никакого внимания, что добавляло комфорта в процесс привыкания к этой новой и необычной среде. Вдруг кто-то испуганно вскрикнул и вытянул руку в его сторону. Тео резко оглянулся и увидел молодого человека лет... непонятно, сколько ему было лет – внешний вид местного населения, по-видимому, соответствовал совершенно другим возрастам, чем в привычной жизни Тео. Он решил, что этому молодому человеку было между 25-ю и 30-ю годами. Они явно были знакомы, и вид Тео его чем-то сильно волновал или даже пугал.

Тео решил, что, во-первых, убегать точно не стоит, а во-вторых – этот парень может быть источником полезной местной информации. Подумав так, Тео направился к испуганному молодому человеку, размышляя по дороге, чем его вид мог так того напугать? «Я его начальник? Он должен мне денег? Я обещал его убить? В любом случае, в этом есть, как минимум, три хороших новости: во-первых, если он меня боится, то мне его можно не бояться – это факт. Во-вторых, я бы чего-нибудь уже поел, а денег у меня нет, – я ему скажу, что если он меня накормит, то я буду меньше на него зол, и он сможет меньше меня бояться. Ну а в-третьих: он меня знает, и у него можно получить самую необходимую информацию о том, что это за место и кем я сейчас являюсь. И тогда можно будет искать причину происходящего. А кроме того,

вдруг у меня тут красивая и послушная жена или девушка – древнегречанка?» – Тео пребывал в бодром расположении духа, и происходящее его пока никак не пугало. Подойдя с грозным видом к испуганному юноше, Тео не смог сказать ни слова. Юноша бросился со слезами его обнимать.

– Алкей! Как такое возможно? Ты жив! – промямлил юноша, вытирая крупные слезы с розовых щек. – Но я же сам слышал от людей, как ты умер! Зачем же ты такое с собой сделал? Ты разве не понимаешь, как разозлил Богов? Зачем ты нас оставил тебя оплакивать до конца наших дней?

Тео сразу получил несколько ответов на волнующие его вопросы. Во-первых, этот парень не должен ему денег, и он не его подчиненный, и говорить с ним грозным командным тоном не получится. Наверняка это его родственник. Во-вторых, это тело известно в данной местности, как Алкей, а не Тео. Придется к этому временно привыкнуть и откликаться на причудливое и странное имя, как на кличку. В-третьих, если это его родственник, то у Тео сегодня есть хороший шанс поесть и разместиться на ночлег, ведь очевидно, что к концу дня захочется спать! Тео пытался выбрать наиболее подходящую модель своего поведения с родственником и, не придумав ничего лучшего, решил сказать, что он ударился головой, у него амнезия, и он ничего не помнит. «Если сейчас окружающая действительность находится где-то в прошлом, то они, по идее, не должны еще знать название такой болезни», – подумал Тео и принялся быстро соображать, как все объяснить простыми и доступными словами.

– Дорогой мой друг, – начал Тео, – я очень сожалею, что так расстроил тебя и всех вас! Но я, видимо, слишком сильно ударился головой о камни и ничего не могу вспомнить. Скажи, уважаемый, чем же я так разгневал Богов и что такого недостойного успел сделать?

– Бедный брат мой, Алкей! Я твой брат – Гермип. Ты вчера решил принять смерть по причине душевных мук и прыгнул с вершины холма в обрыв, на каменистый берег. Мы получили известие, что ты мертв, и искали твое несчастное тело, чтобы тебя похоронить. Как же мы тебя горько оплакивали! Видимо, Боги решили тебя наказать и отняли у тебя память. Но раз случилось великое чудо, и Боги воскресили тебя обратно, то наверняка они поручили тебе что-то важное!

Тео подумал: «Интересно, сколько сейчас времени? А вообще, есть ли у них часы?» Он пытался вывернуть всю свою память наизнанку и вынуть из нее все, что он знал об обычаях Древней Греции, но на ум приходили только какие-то древние мифы, которые ему в детстве читала мама и которые он слышал в школе, в один из тех редких моментов, когда не спал на уроках истории Древней Греции. Он обратил внимание, что свободно общается и понимает своего собеседника, хотя наверняка древнегреческий на слух здорово отличается от того языка, к которому он привык. Видимо, это странное молодое тело, в котором он сейчас, явно к этому причастно.

Глазами, полными слез, Гермип неотрывно смотрел прямо на Тео, который теперь стал Алкеем. У Тео же не было ни единой мысли, что ему сейчас сказать, как ответить и как себя вообще вести, и поэтому он тоже смотрел, не моргая, на Гермипа в упор, чувствуя себя крайне глупо.

– Какой сейчас год? – неуверенно спросил Тео. Этот вопрос неожиданно пришел ему на ум, и ничего другого он пока придумать не мог.

– Сейчас семьдесят вторая Олимпиада, – растерянно ответил Гермип. В его глазах была искренняя боль за брата. – Бедный мой брат, Алкей! Нам необходимо узнать, почему Боги сотворили с тобой это чудо и какое же важное поручение у тебя от Аполлона, а может быть, и от самого Зевса! Ведь только Зевсу по силам договориться с Аидом и вернуть тебя к живым из царства мертвых! Нам нужно немедленно отправиться к Пифии! Если у тебя такое важное поручение от Богов, то нельзя терять ни минуты!

Тео посмотрел на своего нового брата и спокойно сказал:

– Дорогой Гермип, я не знаю, что именно мне поручили Боги, и не знаю, насколько это важно и срочно. Но, согласись, мой дорогой брат, что трудно выполнять поручения Богов на голодный желудок. Так что нам стоит хорошо подкрепиться в дорогу. А заодно расскажешь мне, кто я, отчего совершил такой ужасный поступок и кто такая Пифия, и почему нам нужно именно к ней. Это моя девушка? Она хотя бы симпатичная?

При этих словах у Гермипа дернулся левый глаз и слегка опустилась челюсть.

– Да что же ты такое говоришь, мой бедный Алкей? Немедленно замолчи и не гневи Богов, даже в болезни и в неведении! Похоже, ты потерял не только память, но и стыд! Как же надо было удариться головой, чтобы нести такие негодные слова?! Пифия – это великий Оракул! Она находится в храме, в Дельфах, и провозглашает оттуда волю Богов! Пифия знает все, что было и что будет!

«Господи! Ну почему же во все времена, если происходит что-то непонятное, все бегут к гадалкам и экстрасенсам? Времена и технологии меняются, а люди остаются все те же, во все времена! Боже, когда же люди, наконец, поумнеют?! Судя по всему – никогда, – с явным раздражением размышлял Тео. – Я-то думал, что самая древняя и вечная профессия несколько другая, а оказывается, это – гадалки!»

Затем он посмотрел на своего нового брата и с усмешкой сказал:

– Слушай, дорогой мой брат, а может, не поедем, а? Может, само пройдет, и я и так все когда-нибудь вспомню?

Но Гермип строго ответил, что, как старший брат и как единственный среди них, человек со здравым рассудком, он абсолютно настаивает на немедленном отправлении к Пифии.

Тео подумал, что утверждение о здравом рассудке от человека, предлагающего ехать к экстрасенсу, довольно спорно, но особого выбора у него нет. А вдруг, если он откажется, его поместят в местную больницу для душевнобольных? А то и вовсе – казнят! А что? У них же в древности было человека казнить – что гвоздь забить! Обидно будет так глупо заканчивать жизнь! Особенно эту странную новую жизнь, которая так непонятно едва началась.

«Ладно, это все-таки единственный человек, которого я тут знаю. Поэтому соглашусь и посмотрю, что будет дальше. Вдруг нам в пути все-таки попадутся симпатичные молодые древние гречанки и будут учить меня древнему культу Вакха!» – про себя улыбнулся Тео, а вслух сказал:

– Хорошо, пусть будет по-твоему, мой любезный брат. Но сначала все-таки нужно подкрепиться.

Гермип обрадовался, что его бедный брат проявил благоразумие, и они направились в ближайшую таверну получать местные гастрономические впечатления.

Небольшая таверна, совсем рядом с портом, имела короткое и лаконичное название «Псари», намекающее на то, что основное блюдо его меню – рыба. Гермип прошел и сел за свободный столик, Тео послушно последовал за ним. К ним подошла официантка – совсем юная девочка, лет тринадцати, по-видимому, дочка хозяина, со смуглой кожей и длинными, черными, как смола, волосами. Вероятно, она и ее семья, содержащая эту таверну, были метеки, то есть не коренные граждане Афин, а приезжие «неграждане».

Гермип вежливо поздоровался с девочкой и заказал лепешки, рыбу и вино. Услышав про горячую еду и вино, Тео сразу с удовольствием подумал, что жизнь потихоньку налаживается.

– Мой дорогой брат Гермип, расскажи же мне, кто я и почему я совершил такой недостойный поступок?

– Ты мой брат, Алкей, – начал свой рассказ Гермип спокойным и медленным тоном, как будто он это объяснял малолетнему и ничего не понимающему ребенку. – Наша семья вот уже много поколений – коренные эллины. Наши родители владеют большими виноградниками, и мы, как и все наши предки, выращиваем виноград. Ты хотел взять в жены Фотиду, дочь Феокла, но так как наши семьи враждуют, то ее отец не дал согласие на ваш брак. Да и наш

отец тебе тоже отказал в своем благословении, и, наверное, не выдержав душевных мук, ты решил броситься вниз с высокого холма. Наши соседи сказали, что слышали в городе, будто кто-то видел, как ты бросился вниз, разбился о камни и умер. И мы всю ночь искали тебя, умываясь слезами – и наши родители, и все наши братья, – но так и не нашли.

«Похоже, что „Ромео и Джульетту“ вполне можно было бы написать и раньше», – подумал Тео, но вслух ничего не сказал. Он вдруг вспомнил, как в ранней молодости тоже не знал, как продолжать жизнь, когда ему отказала первая красавица во дворе, сказав, что она не станет тратить свою жизнь на неудачника с мамой-учительницей. А потом вдруг оказалось, что будет еще не одна пассия, и роли Тео и этой красавицы могут поменяться на противоположные, и уже Тео будет ей объяснять, кто ему в жизни неинтересен.

«Как удивительно – времена меняются, а у людей все остается неизменно...» – подумал Тео и улыбнулся, но вслух опять ничего не сказал.

Гермип так и не понял, что такого веселого он сказал, что заставило его брата улыбаться? Но подумав, что сейчас его бедный брат не совсем в себе, решил не обращать на это внимание.

Глава 3. Пифия

– Но я не хочу идти к сумасшедшим, – сказала Алиса.

– Тут уж ничего не поделаешь, – сказал Кот.

– Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший, да и ты сама тоже.

Льюис Кэрролл

Два молодых человека медленно прошли по аллее из оливковых деревьев, выложенной полированным и ровным дорожным камнем, и остановились у входа в большой и величественный храм, расположенный на склоне высокой горы.

По дороге в Дельфы Тео успел поскрести по всем закоулкам своей памяти и собрал воспоминания о Дельфах, Пифии и храме Аполлона, которые у него остались от детских книжек, от рассказов бабушки, бабушки и мамы. Что-то осталось даже от школьных уроков, чего он от себя никак не ожидал. И сейчас, благодаря «утраченным, но вновь восстановленным знаниям», Тео понимал, где он и что перед ним. Храм располагался в Дельфах, на склоне горы Парнас. Гермип смотрел на вход с восторженным видом. И хотя археология и древние храмы никогда не входили в список интересов Тео, то, что он сейчас видел, явно превзошло все его представления об этих древних храмах и покорило его фантазию.

Перед ними стоял огромный храм, окруженный большими мраморными колоннами и статуями. Фасад храма был украшен барельефами и скульптурными композициями, отображающими героев из древнегреческих мифов, а также сцены из них же. Некоторые статуи были расположены не по периметру храма, а возле него. Большинство Тео не смог идентифицировать. Он узнал только статуи муз – Богинь искусства и наук, а также он заметил еще одну примечательную – статую лиса. Тео вспомнил, что это Кикносский лис. Статуя была установлена в честь героя Кикноса, сына бога Аполлона и Парны. Тео беззвучно пошевелил губами в знак того, как он был собой горд, что вспомнил эти детали. Но он быстро вернулся к более насущным проблемам текущего момента.

У Тео сейчас было много разных мыслей, но ни одной позитивной среди них он пока не находил. Какая прекрасная у него новая семья! Столько тащиться по горам, чтобы попасть к экстрасенсу, – это же запредельный уровень маразма! Если бы Тео знал, куда им придется тащиться, – даже «теплые семейные чувства к старшему брату» не вынудили бы его согласиться на этот неожиданный и спонтанный «турпоход». Да и, кроме того, что-то эта история начинает затягиваться. Тео очень хотелось бы наконец понять, что происходит и что значит все то, что он видит и слышит вокруг. И отсутствие этого понимания его начинало сильно беспокоить и даже пугать.

«Похоже, прекрасных гречанок все-таки не будет», – грустно подумал Тео и шагнул к мраморным колоннам Храма. Молодые люди прошли во внутренний дворик – там, кроме холодных мраморных статуй, не было ни одной живой души. В дальней части внутреннего двора Тео увидел что-то наподобие источника, из которого исходил густой пар. Тео сразу подумал, что, вероятно, или это источник с горячей водой, или испарения вызваны какими-то примесями. Но в любом случае все это выглядело таинственно и завораживающе.

Гермип воодушевился: «Слава Аполлону! Нам не придется долго ждать в очереди, и если Пифия соблаговолит нас принять, то это будет удивительная удача!» – и прошел к двери в сам Храм. Вход представлял собой высокую массивную деревянную дверь с изумительной резьбой. Вся эта огромная дверь была также покрыта изображениями с сюжетами и сценами из разных древних мифов и изображениями героев этих самых мифов. А прямо над этим впечатляющим входом виднелась большая рельефная надпись: «Познай самого себя».

«Я себя уже познал – я Тео», – усмехнулся про себя Тео и шагнул к двери.

Хоть день клонился к концу, храм был открыт, и внутри виднелся огонь, хотя никого не было видно и храм казался пустым. Тео и Гермип вошли внутрь. Тео помнил по рассказам из детства, что на прием к Пифии съезжались люди со всей Греции и даже из других стран, и попасть к ней было чрезвычайно трудно. И то, что он сейчас видел – безлюдный дворик, пустое помещение Храма, – казалось ему странным.

Помещение Храма внутри было также впечатляющих размеров. Тео увидел, что оно имело несколько залов, но все самое интересное оказалось в центральном. В глубине виднелся алтарь с большой статуей Аполлона, выполненной из золота, со вставками из какого-то светлого материала – или из мрамора, или из слоновой кости. Из-за плохого освещения и удаления статуи более точно определить на глаз Тео не смог. На алтаре лежали различные подношения – лепешки, мед, сыр. На стенах висели горящие факелы, а у дальней стены горел очаг, размером чуть больше домашнего камина, но его света и тепла, вместе с факелами, было достаточно для освещения и обогрева этого зала и всего Храма в целом. Посредине стояла странная конструкция в виде высокого небольшого стола или стула на трех массивных ножках. Было похоже, что этот стол был выполнен тоже из золота, и, несмотря на три ноги, конструкция выглядела вполне массивной и устойчивой. На этом столе сидела женщина в ярком красном платье и с длинными черными распущенными волосами, в позе, напоминающей позу лотоса, со скрещенными ногами под собой. Она была не очень хорошо освещена, да и волосы закрывали большую часть лица, и Тео не мог определить ее возраст. Но так как в Храме больше не было никого, то с большой вероятностью это и была та, к кому они ехали.

– Приветствуем тебя, о великий Оракул! Я Гермип, а это мой бедный брат Алкей. Мы приехали к тебе с очень важным вопросом.

Пифия подняла глаза и улыбнулась. В ее взгляде не было ни надменности, ни напыщенности, которую можно встретить у мошенников, называющих себя экстрасенсами. Взгляд Пифии был наполнен только добротой и спокойствием. «Хорошая новость в том, что у меня с собой нет денег, так что обманывать и выуживать деньги будут не у меня, а у моего неумного братца», – подумал Тео и улыбнулся этой мысли.

– Добро пожаловать, Гермип. Я ждала вас и рада вашему приходу. Вы могли заметить, что сегодня тут никого нет, что лишь подтверждает мои слова, – поприветствовала Пифия молодых людей.

– О великий оракул, это Алкей, мой бедный брат, потерявший память! – снова произнес замороженный Гермип. После сказанных слов Пифии он сначала побледнел, а потом покраснел. Было видно, что он всецело поглощен торжеством момента – он же говорит с самой Пифией!

– Да, я помню, что ты сказал минуту назад, когда вошел. Гермип, я прошу тебя выйти из храма, закрыть дверь снаружи и проследить, чтобы никто не вошел внутрь. Но прошу тебя не ради того, чтобы оскорбить или обидеть. Эта моя просьба связана с крайней важностью того, что я должна передать твоему брату, и с тем, что это не дозволено знать никому, кроме него самого.

Лицо Гермипа сделалось обиженным, как у ребенка, которого взрослые выгоняют из комнаты. Но, несмотря на это, он почтительно поклонился и вышел из храма, плотно закрыв за собой массивную и тяжелую дверь.

– Ну, здравствуй, Тео. Добро пожаловать в наши края и в наше непростое время, – доброжелательно поприветствовала Пифия.

– Добрый вечер, рад познакомиться, – удивленно ответил Тео с широко открытыми глазами.

– Ты уже смог понять и разобраться в том, что с тобой сейчас происходит? – улыбнулась Пифия.

– Могу сказать только то, что я вижу вокруг Древнюю Грецию, вижу себя не таким, каким привык видеть, и у меня нет никакого рационального объяснения всему тому, что происходит вокруг меня. Я решил ничего не пытаться себе объяснить, пока жизнь сама не начнет открывать мне нужные обстоятельства и объяснения.

– Все, что ты видишь, Тео, – это серьезно и это реально. Это не шизофрения и не сон. В своем времени ты оказался на грани смерти. Но ты не умер, а лежишь в состоянии катаlepsии, то есть между жизнью и смертью. Жизненные процессы в том твоём теле поддерживаются на минимально необходимом уровне, а сознания в нем пока нет. К твоему телу, похожему на овощ, ежедневно приходят твои близкие, но пока ты не вернешься обратно, обнять друг друга вы не сможете. Бывший хозяин твоего нового тела – Алкей – решил самостоятельно прервать свою жизнь по причине своих душевных мук и прыгнул со скалы. Эти события синхронизировались, и твое сознание вошло в его тело.

Тео вытаращил глаза и потер макушку. «Экстрасенс со стажем. И с фантазией», – подумал он.

Затем в его ошарашенную голову пришла первая здравая мысль: с одной стороны, Пифия говорит неоспоримые факты – она знает, как его зовут, и знает, что он сейчас где-то там лежит без сознания. С другой стороны, версия, которую она предлагает, – явный бред.

– Ладно, допустим, что это так, – сказал медленно Тео, переходя на «ты», – ты живешь тут, в глуши. Ты утверждаешь, что время сейчас – далекое прошлое относительно моего родного времени. Откуда ты тогда можешь знать, что я ехал? На чем ехал, на лошади? От аварии на лошади люди в кому не впадают. Откуда ты тогда можешь знать про мою аварию? А? Почему ты говоришь о том, как лежу без сознания, наверное, в реанимации?

Тео был уверен, что он поймал и изблещил мошенницу, и сейчас она будет просить у него прощения. Но прощения она почему-то не попросила.

– Видишь ли, обычный человек живет и воспринимает время линейно, из прошлого в будущее. Но при развитии определенных способностей он может жить вне времени. Для такого настоящее, прошлое и будущее существуют одновременно, и он может видеть их, как фильм на киноплёнке, в любой его точке. Поэтому я прекрасно знаю о тех событиях, которые меня интересуют, в любой точке доступного времени, и про ваше время, и про многие другие ваши псевдотехнологии. Все это не чудо и не бред – это просто более полное использование сил и законов природы, которые вы забыли и отвергаете, и оттого они вам более недоступны.

Пифия подняла глаза и посмотрел на Тео в упор:

– Оракул Пифия знает, что будет, не из-за того, что у нее хорошо развита фантазия. Пифия вещает лишь то, что видела и знает сама, – заключила Пифия, говоря о себе в третьем лице.

– Почему это у нас псевдотехнологии? – вдруг выпалил Тео обиженным голосом, явно пытаясь перевести тему разговора со своей глупой предыдущей фразы. – Ваши местные наверняка бы не отказались от приличной теплой ванны и мягкой кровати с чистым и мягким постельным бельем, а?

– Во-первых, безудержное стремление к материальному комфорту увело людей с правильного пути, и этот ваш комфорт больше губит людей, а не помогает им. А во-вторых, сейчас разговор не об этом, Тео. У тебя еще будет время пофилософствовать. Сейчас нужно думать о более важном.

– Ладно, – перебил ее Тео, – тогда ответь мне на другой вопрос: тот парень, Алкей, который бывший хозяин моего тела, если он прыгнул со скалы, то наверняка должен был сломать себе ноги, руки, может быть, даже позвоночник. Но я очнулся и пошел, все было в полном порядке. Меня не покидает мысль, что меня разыгрывают, хотя для розыгрыша все выглядит слишком масштабно.

– Нет, тебя не разыгрывают. Все серьезно. И если ты будешь продолжать вести себя глупее, чем ты есть на самом деле, то так и проживешь до конца своих дней тут и умрешь лже-Алкеем, без «приличной ванны и мягкой кровати с чистым и мягким постельным бельем».

Я тебе не буду сейчас объяснять и проповедовать учение о том, как устроен человек, пространство и время, – я не учитель, да и это не дело одного часа. Сейчас правильный вопрос другой – для чего ты тут оказался и есть ли способ вернуть тебя обратно домой? А если есть, то какой?

– Ладно, давай на минуту допустим, что ты права. Какой сегодня год?

– В вашем исчислении, примерно 500-й год до новой эры, то есть 2500 лет до твоего времени. Очень приблизительно, конечно.

– Слушай, если все это правда, и ты можешь все видеть, то скажи, как там мои родители, моя девушка?

– О как! Путешествия сквозь время и пространство требуют значительных сил и энергии, и это не делается ради пустой прихоти обнаглевшего инфантильного мужчины. Нужно войти в специальное измененное состояние сознания. Вон, видишь у меня волшебный кувшин стоит? В нем волшебный напиток, я сама его готовлю. Это непростой и очень энергоемкий процесс. Ты видел источник с парами во дворе – это тоже особые пары, которые также влияют на сознание. Но самое главное – я тебе не дешевый фокусник и не собираюсь доказывать дремучему неучу свои силы и умения.

– Ну вот и ты проговорилась! А как же ты про меня сейчас рассказывала без своего волшебного напитка?

Пифия сделала серьезное лицо. Глаза ее потемнели, а взгляд стал холодным.

– Дорогой Тео, – сказала она громким строгим металлическим голосом, – первые ответы ты уже получил, не так ли? Я с тобой разговариваю уважительно и отвечаю на твои вопросы без насмешек и сарказма над твоим абсолютным невежеством. Тут тебе никто ничего не должен. Никто не должен тебя ни в чем убеждать, ни в чем уговаривать и не должен ничего доказывать. Если тебе больше интересно поострить и покормить свое высокомерие и глупость – дверь позади тебя. Но если в тебе есть хоть что-то разумное, то будь добр, внимательно послушай и запомни правило первое: с уважением относись и к другим, и к самому себе. Правило второе: если ты задаешь неуважительные или глупые вопросы – я на них не отвечаю. Когда на тебя на улице лает собака – ты же не становишься на четвереньки и не лаешь ей в ответ, верно? Так же должен поступать и мудрый человек по отношению к глупому высокомерию – не обращать внимания. Сейчас ты был больше похож на глупую лающую собаку на улице, чем на разумного человека. В порядке исключения я отвечу на этот твой вопрос. Я тебя ждала, и о твоём приходе мне было заранее известно. Поэтому на улице нет ни одного человека, все посещения на сегодня отменены, и все мои жрецы и помощники отпущены.

– Извините, я не хотел вас обидеть. Я приношу извинения за свое глупое поведение, – тут же осекся Тео. – Но чем же я заинтересовал столь серьезных особ? Кому-то понадобилась моя профессиональная помощь? Так у вас же компьютеры пока не изобрели, – начал было язвительно ерничать Тео, но тут же снова осекся и извинился, – простите, я имел в виду, что не понимаю, чем я могу быть полезен и важен для вас, или кто там вместе с вами.

Пифия смягчила тон, и ее взгляд перестал быть жестким.

– Точно мне это тоже не известно, но думаю, что ты должен будешь сделать что-то очень важное в своем времени. И для этого очень важного дела Высший Разум почему-то выбрал тебя. Поэтому тебе обязательно нужно будет вернуться в свое время. Я в этом не уверена, но я так думаю.

«Я – Бэтмен? – подумал Тео и улыбнулся. – Ну-ну...»

– Хорошо, допустим. Тогда скажите, что мне сделать и как вернуться обратно домой?

– А «пожалуйста» скажешь? Ну, в смысле «скажите, пожалуйста», и так далее. Помнишь? «Уважение», – улыбаясь, сказала Пифия.

– О великая Пифия, скажите, пожалуйста, что мне сделать и как вернуться домой? – снова начал язвительно говорить Тео, но Пифия сделала вид, что этого не заметила.

– Все просто и сложно одновременно. Тебе нужно будет найти своего истинного Учителя, и он единственный, кто может вернуть тебя обратно.

– И где мне его найти?

– Он сам тебя найдет, когда ты будешь готов. Слышал когда-нибудь: «Когда ученик готов, появится и учитель»? Абсолютная правда.

– А теперь можно то же самое, но более простым и доступным языком? Куда мне пойти, что сделать и где кого найти?

– Сначала тебе нужно победить Дракона. В себе самом. Затем тебе нужно познать самого себя. И если ты успешно пройдешь эти два этапа, то на третьем этапе должен появиться твой Учитель и вернуть тебя домой. А если не получится убить своего дракона или познать себя – то тогда ты останешься тут, у нас. Навсегда. Фокус в том, что ты сам знаешь, где найти своего Учителя, и тебе нужно познать себя для того, чтобы найти в себе эту информацию. А познать себя можно лишь победив в себе своего Дракона. Вот такая история. Хорошая новость в том, что тебе не нужно плыть в дальние моря или путешествовать в дальние страны. Все намного проще. Учитель гораздо ближе, чем тебе кажется. Но чтобы его найти, тебе нужно суметь вытащить этот ответ из самого себя. Все по-настоящему важное и имеющее значение всегда находится внутри тебя. Именно поэтому над входом в мой храм висит насколько короткое и простое, настолько же важное и трудное послание ко всем входящим: «Познай себя».

– М-да, победить Дракона и познать себя – что может быть проще и понятнее? Но если серьезно – ясности не добавилось. Пожалуйста, объясните, что значит «Убить своего дракона»?

Пифия отметила про себя, что «воспитательный момент» уже потихоньку дает эффект, и подумала, что это хорошо. Может, действительно у этого парня получится то, что от него ожидают?

– Понятно, – сказала Пифия. Она посмотрела на него с улыбкой и продолжила: – Тео, тебе понадобится лучший в деле тренировки по сражению со своими драконами и в познании самого себя – он и объяснит тебе, что это такое. В наше время, такой есть только один. Его зовут Пифагор. Именно сейчас у него есть немного времени для тебя. И, похоже, именно поэтому ты оказался именно здесь и сейчас. Пифагор живет на острове Самос. Тебе нужно к нему попасть и убедить его, чтобы он взялся тебе помочь. Иначе прозябать тебе лже-Алкеем до конца твоих грустных дней.

– Пифагор? Я что, должен выучить его теорему? И линейкой сражаться с драконами? Что за бред!?

Пифия лишь сочувственно улыбнулась, не обращая внимания на очередную колкость:

– Я не знаю, за что именно ты удостоен такого внимания и что именно тебе предстоит сделать, но могу сказать одно – тяжело тебе будет, парень. Я тебе и завидую и не завидую, одновременно. Береги себя, Тео. Прощай.

Пифия встала и пошла вглубь храма, к скрытой двери, а Тео остался стоять, ошарашенный, переваривая и осмысливая все, что ему сейчас было сказано.

Тео постучал изнутри в тяжелую массивную дверь, и Гермип быстро ее открыл снаружи. Слегка обиженное выражение лица Гермипа уже сменилось на крайнее любопытство, и сейчас его лицо больше выражало сильный интерес, чем обиду.

– Ну? Что сказала Пифия? Ты все вспомнил?

Тео вдруг захотелось ответить Гермипу в стиле «Звездных войн»: «Люк, я не твой отец», – но он промолчал, сел на ступеньки у входа в храм и задумался. Гермип, не настаивая

и не приставая с расспросами, деликатно сел молча рядом и терпеливо ждал, пока его брат начнет говорить. Тео посмотрел на него с глупой улыбкой и сказал:

– Ну, что я тебе скажу, мой добрый брат? Алкей умер, я – не Алкей, но тоже умер, и поэтому я живой здесь и сейчас. Но чтобы мне снова вернуться, нужно победить Дракона, а для этого купить карандаш с линейкой и выучить геометрию.

– Тебе стало хуже? – с жалостью и тревогой посмотрел на брата Гермип. Он не знал, что такое «карандаш» и «линейка». Не понимал, при чем тут «землемерие». Он понимал каждое сказанное слово по отдельности, но все вместе казалось ему совершенным бредом.

– Что ты? Мне стало существенно лучше! Но, правда, я еще не понял, в чем именно. Я еду на остров Самос, искать Пифагора. Ты со мной? – диковатым голосом, подмигивая, ответил Тео и изобразил на лице сумасшедшую улыбку.

– А кто это? – в полном замешательстве спросил Гермип.

– Когда-нибудь ты это узнаешь. Он придумал знаменитую теорему про стороны треугольника. Очень нудная и очень нужная штука! – уже весело шутил Тео, понимая, как бредово это все сейчас звучит для его бедного братца.

Гермип не знал, что делать. С одной стороны, он не хотел оставлять мать и отца одних, с младшими братьями. А с другой стороны, куда он отпустит его одного – своего внезапно воскресшего и свихнувшегося брата? И он нашел компромисс: решил устроить брата на попутный корабль на Самос, дать ему в дорогу немного денег, а самому поехать домой, ухаживать за родителями. Если тот Пифагор действительно придумал что-то важное, то, наверное, он человек состоятельный и достойный и позаботится об этом бедном умалишенном Алкее.

Так размышлял добрый Гермип и уже шел вслед за лже-Алкеем в сторону порта, искать там место для ночлега. Ему предстояло найти попутный корабль на Самос и пристроить туда своего бедного брата, да так, чтобы команда внезапно не приняла его за опасного умалишенного и не выбросила за борт во время плавания.

Глава 4. Дивный остров Самос

*– Здесь всегда пора пить чай. Мы не успеваем даже посуду
вымыть!*

Льюис Кэрролл

Бирема – быстроходное судно с двумя уровнями гребцов – под темно-алым парусом подходила к бухте небольшого острова, покрытого буйной растительностью. С восточной и южной стороны острова, откуда подходило судно, берег был, в основном, высокий и скалистый. Когда же судно обогнуло остров с юга и продолжило идти в направлении юго-запада, берег сменился на более пологий, с золотистым песком – более пригодным и привлекательным для купания. Это был неведомый остров Самос, находящийся совсем рядом, в пределах видимости, у берегов Малой Азии, которая во времена Тео уже называлась Турцией. Тео, правда, не мог сейчас вспомнить, а была уже Турция в то время или нет.

«Интересно, похож я сейчас на Одиссея или еще нет? А если да, то будут тут за меня бороться и страдать по мне прекрасные нимфы? Ну, или хотя бы прекрасные нимфоманки?» – подбадривал себя Тео разными веселыми мыслями, чтобы хоть как-то успокаивать сильное волнение от этого странного и неожиданно навалившегося на него приключения. То, что он всегда мог пообщаться с остроумным человеком, то есть с самим собой, он явно считал своим большим плюсом.

Тео знал о существовании острова Самос, слышал о его пляжах и знаменитых мускатных винах. Также он вспомнил, что где-то читал, будто виноград для его любимого бренди «Метакса» выращивали только на Самосе. А! Вот, еще он вспомнил, что Самос – единственное место за пределами Франции, где французские виноделы официально зарегистрировали винный регион – так называемый АОС (Appellation d'Origine Controle). Хотя, наверняка, в это время еще нет ни Франции, ни ее виноделов, ни такого понятия, как АОС. А! Ведь если еще нет Франции, то и Турции тут тоже еще нет. Ну вот, слава Богу, разобрался.

Никаких других познаний об этом неведомом острове Самос, кроме алкогольных, Тео так и не обнаружил. «Да, не знал, не знал и забыл», – грустно вспомнил он старую шутку по этому поводу.

Бирема обошла остров с юга и вошла в уютную симпатичную бухту, где был оборудован небольшой порт. Никаких кранов и контейнеров Тео там, конечно, не обнаружил и подумал, что примитивными приспособлениями могут орудовать только примитивные люди.

Ну, ничего, тут-то он сможет развернуться и показать местному населению глубину всех глубин, имея в виду свой могучий интеллект и все научные и инженерные познания. «Интересно, а рычаг тут уже придумали? Если еще нет, то берегитесь – я вам такого наизобретаю и напридумываю! У вас аж дух захватит от новых головокругительных перспектив!»

Гермип оплатил путешествие Тео до Самоса и дал немного денег с собой, на первое время. Так что, сойдя с судна на берег, Тео решил зайти в местную таверну «У Нека» и подкрепиться тем, что там подают. А подавали там сегодня свежий овощной салат и какую-то белую рыбу на гриле. Пить ему принесли белое вино, сильно разбавленное водой. Откусив кусок горячей несоленой рыбы и выпив глоток прохладного, хоть и разбавленного, ароматного мускатного белого вина, Тео подумал: «Вот оно – счастье!» Наконец-то хоть и странная, но нормальная горячая еда и, хоть и разбавленное, но очень ароматное вино.

Тео знал, что в былые времена в Греции вино разбавляли водой, что делало его чем-то средним между ароматным винным коктейлем и расслабляющим прохладительным легкоалкогольным напитком, поэтому он не удивился, но вот попробовал такой «винный компот» впервые.

Первое впечатление от жителей острова было очень приятное. Местные жители, которых он видел и в порту, и в таверне, производили впечатление немного строгих, серьезных, но очень сердечных и доброжелательных людей. Он не увидел пьяных драк, скандалов или чего-нибудь другого, о чем читал в детстве и видел в фильмах о старых портах и морях.

Вообще почему-то основное представление о старых морях и морских портах у Тео происходило из фильма «Пираты Карибского моря». О том, что события происходили в Карибском море, а не в Средиземном, а кроме того, там были англичане, а не греки, и время действия, на тысячу с лишним лет позже – такая мысль к Тео не приходила, и он удивлялся, насколько тут, на Самосе, все внешне хорошо обустроено и выглядит значительно более культурно и спокойно, чем там.

В таверне «У Нека» было немногочисленно и, на удивление, относительно чисто. Тео подзвал к себе юную девушку с завидным загаром, что приносила еду, и спросил, знает ли она, кто такой Пифагор и как его найти. Девушка улыбнулась и, не ответив, молча ушла. Тео сильно удивился её реакции – она явно знала, о ком ее спросили, и, похоже, вопрос её сильно удивил. Но после её ухода появился хозяин таверны. Крепко сложенный, широкоплечий мужичок низкого роста, с кудрявыми волосами, широкой улыбкой и крупными белыми зубами. Весь его внешний вид как бы говорил: «Моя радость от вашего посещения не знает границ!»

Хозяин вежливо и почтительно представился – его звали Нек. Видимо, Нек – это было сокращение от какого-то полного имени и наверняка существовала более полная версия, которую трудно выговорить, и поэтому носитель этого имени ограничился короткой версией «Нек». Теперь Тео понимал, о ком говорила надпись «У Нека» на входе в таверну.

Нек поинтересовался, почему молодой человек интересуется Пифагором. Тео сразу не нашелся, что ответить. С одной стороны, он не мог пересказывать Неку всю свою безумную историю, которую услышал от Пифии. А с другой, ему показалось, что если он будет не очень убедительным, то ему не расскажут, как найти Пифагора. Тео подумал, что если в первой попавшейся таверне люди знают, кто такой Пифагор, то о нем должно знать большинство жителей этого острова. И Тео решил выдавать Неку информацию дозированно, мелкими порциями и только по мере необходимости.

– Мне очень нужна его помощь, по личному делу, – ответил Тео.

– Если бы божественный и мудрейший Пифагор помогал всем чужеземцам, которым нужна его помощь, ему бы и тысячи жизней не хватило, – совершенно неожиданно ответил Нек, по-прежнему улыбаясь.

«О как! – подумал Тео. – Никогда бы не догадался, что за теорему по геометрии человека будут называть „Божественным“ и „Мудрейшим“! Интересно, а если бы я им рассказал об основах алгоритмов и научил объемной геометрии – кем бы они меня назвали? Вселенским Разумом?» У Тео было игривое и веселое настроение – видимо, оно передалось ему от Нека. Вот что значит улыбка и харизма у человека!

– У меня к Пифагору поручение от Пифии, – вдруг, неожиданно для себя, сказал Тео тихим и загадочным голосом. И сам себе удивился.

Нек немедленно изменился в лице. Было похоже, что Тео сказал какой-то секретный пароль или волшебное слово. Лицо Нека стало торжественным и серьезным. Он с уважением посмотрел на Тео и, показав рукой в сторону, ответил:

– Иди вдоль моря, в сторону заката солнца, примерно 200 стадий, дойдешь до деревни Кампос и там у таверны свернешь направо и пойдешь в направлении от моря. И примерно еще через 15 стадий войдешь в ущелье и слева в горе увидишь пещеру – там и найдешь Пифагора.

Тео не имел ни малейшего понятия, сколько это было в нормальной системе измерений, а гугл тут почему-то не работал. «Наверное, потому, что в это время сюда еще интернет не провели. И серверы не завезли», – весело подумал Тео. Он не мог показать, что не знает, сколько это «стадия», и спросил по-другому:

– А сколько времени у меня займет путь к нему?

– Ну, как же, за день обязательно дойдешь, если ничего не сломаешь! – весело ответил Нек.

– Спасибо тебе большое, Нек. Пусть Боги пошлют удачу тебе и твоей таверне, – симпровизировал Тео. Нек на него подозрительно посмотрел, улыбнулся и ушел. Тео, в итоге, так и не понял, на что больше была похожа его импровизация местной вежливости – на близкое подражание оригиналу или на бред идиота. Реакция Нека, по идее, подходила под обе версии. Но чтобы не оказаться в еще более глупой ситуации, Тео решил не уточнять и вышел из таверны на улицу.

Солнце уже клонилось к закату, и Тео подумал, что если местные ребята легко дойдут за день, то далеко не факт, что он преодолеет это же расстояние за такое время. А если и преодолеет, то уж точно не легко. И он решил остановиться на ночлег. Благо, в таверне «У Нека» сдавались комнаты на втором этаже, и Тео остался там на ночь.

Миловидная девушка со строгим, но дружелюбным лицом показала ему комнату на втором этаже, и, к его удивлению, это была хоть и маленькая, но вполне чистенькая комната с твердым топчаном, матрацем, набитым сухой соломой и перьями, и чистой постелью из грубой льняной ткани.

«Интересно, сколько это звезд по местным меркам?» – подумал Тео и решил отказаться от вечерней прогулки по поселку. Он устал от морской поездки, да и вообще, концентрация событий последних дней, превысила все мыслимые рамки, и он очень хотел, в первый раз за все время его новой жизни, нормально выспаться. А завтра предстоял еще и одиночный поход на много-много стадий, хотя он и не знал, сколько это. Если 200 стадий – это что-то вроде 200 метров, то хорошо. А если примерно 200 километров? И Тео решил не впадать в панику раньше времени. Он начал рассуждать логически, что день – это порядка 12 часов активного времени суток. По дороге человек обычно останавливается отдыхать и есть. Т. е. активное время самой ходьбы должно быть часов 8. Средняя скорость человека – 5 км/ч, а это значит, что расстояние, которое требуется завтра пройти, должно быть порядка 30—40 километров.

«Мои поздравления, спортсмен! Завтра будешь марафон шагать! Твой дядя марафон бегал, некоторые твои коллеги марафон бегали, а ты за всю жизнь ни разу даже пешком не прошел. Вот завтра и наверстаешь», – сказал себе Тео с грустной иронией и закрыл глаза.

Глава 5. Первая встреча

– Он тебе понравится, если поймешь.

А если не поймешь, так вовсе не важно, понравился или нет.

Льюис Кэрролл

Утром Тео проснулся от яркого света. Солнечный зайчик щекотал его правый глаз и не оставлял никаких шансов продолжить сон.

– Господи, как же здорово этим людям! – вслух сказал Тео. – Будильников нет, часов нет. «Вот как они могут сказать, что „я опоздал“? Приду я, допустим, на работу, и сам даже не буду знать, опоздал или нет, – точного времени ведь еще не придумали! Скажет мне, допустим, начальник, что солнце уже встало, – ну и что? Оно быстро встает, а насколько позже я пришел после восхода, это уже дело не объективное и не точное», – думал Тео во время завтрака.

Овощной салат с сыром фета, приправленный оливковым маслом, сильно отличался от традиционного и привычного греческого салата XXI века. Фактически это был салат из отваренной фасоли, лука, гороха, спелых оливок, сушеного светлого изюма, сыра фета и ароматного оливкового масла, смешанного с медом. К салату подавалась тёплая пшеничная лепешка.

«Очень интересное „авторское прочтение“ греческого салата от местного шеф-повара. Самый странный салат, который я пробовал», – усмехнулся Тео. После завтрака он вышел в путь. Дорога пока шла вдоль берега, но вдали виднелись холмы и невысокие горы, щедро покрытые хвойным лесом. Это означало, что через некоторое время бодрый темп придется сбавлять.

Раньше ему никогда не приходилось ходить в походы, поэтому опыта в таких делах у него не было, и он шел совершенно без ничего. Ни продуктов, ни воды, ни запасной одежды у него не было, и он шел абсолютно налегке. Тео вспомнил, что в детстве дядя его учил, что если ходить или бегать на длинные дистанции, то самое главное – соблюдать ритмичность шагов на вдох и выдох. К примеру, 4 шага – вдох, 4 шага выдох. А дядя не раз участвовал в марафонском забеге, из того самого поселка Марафон, по той самой дороге, поэтому он знал в этом толк. Тео решил напевать в голове песню и на каждый один такт делать вдох, а на второй – выдох. Из всех песен он выбрал Никоса Вергиса и напевал мысленно «Тело на ме ниосис», которую одно время можно было слышать в Афинах из каждого окна. Почему именно она вдруг всплыла в его голове сейчас? Непонятно...

Затем, чтобы не было скучно, Тео начал размышлять о разных маловажных, но любопытных вещах. Например, а что такое «стадия»? Нек говорил, что расстояние до пещеры можно пройти за день. День – это 8–10 часов активной ходьбы. Ровный шаг человека составляет в среднем 5 км/час, это значит, что ему предстоит пройти километров 30–40. Нек сказал, что это расстояние примерно в 200 стадий. Сколько тогда получается одна стадия? Под 200 метров?

И тут Тео подумал, что, возможно, и слово «стадион» произошло от греческого слова «стадия»! Или наоборот?

– Какая длина футбольного поля на стадионе? Порядка 100–120 метров? Плюс, на ранних стадионах были еще небольшие трибуны, наверное, метров по 30 с каждой стороны, это же не мега-стадионы нашего времени, рассчитанные на все население древней Греции, – с улыбкой рассуждал Тео. – Вполне вероятно, что в общей сложности стандартная длина стадиона была метров 150–190. Наверное, и стадия была близка к этому. По крайней мере, понятен порядок цифр.

Тем временем дорога начала идти в горы. На каждой развилке Тео держался того направления, что было ближе к морю. «Интересно, – думал он, – а как они ходят и передвигаются без

GPS навигатора и даже без карт? Ладно, местные жители – они уже знают дороги. А как быть тем, кто не местный? Насколько точен был Нек, когда сказал мне, что расстояние примерно 200 стадий? И где мне поворачивать?» Это сильно напоминало Тео старый анекдот про указания навигатора во время поездки по пустыне Сахара: «Продолжайте ехать прямо и примерно в четверг поверните направо».

«Нет, ну серьезно, в чем тут отличие? Хотя, надо отметить, насколько красивые тут места! Как было бы здорово приехать сюда в отпуск! Почему я ни разу тут не был раньше? А где я вообще был? На работе, в клубах, ресторанах, в казино? Нет, но природа тут все-таки потрясающая! И как быстро человек начинает замечать красоту природы, когда в его руке нет смартфона!» – размышлял Тео, бодро шагая вперед.

Показалась еще одна развилка. «Ага, вот и поворот налево», – подумал Тео и повернул, а дорожка действительно начала спускаться к морю. Она привела Тео прямо к берегу. А у самого моря дорога повернула направо и вошла в маленькую местную рыбацкую деревушку. Лодки разных размеров и видов стояли вдоль берега, а рядом сушились сети. Тео подошел к одному из рыбаков, вежливо поздоровался и спросил, как называется эта деревня.

– Кампос, – с улыбкой ответил рыбак.

– А как мне найти пещеру, в которой живет Пифагор?

Лицо рыбака исполнилось уважением, и он почтительно сказал, что примерно, через 5—6 стадий будет таверна, и сразу за ней нужно повернуть направо и пройти еще примерно 15 стадий в сторону гор. И там, в ущелье в верхней части горы, которая слева, и будет нужная пещера – ее заметно снизу.

Тео поблагодарил рыбака и пошел дальше. «Какие тут все-таки люди! Таких сейчас не делают...» – подумал Тео, и вдруг сам себе удивился: с каких таких пор он начал философствовать? Тоже с тех пор, как у него не стало телефона и компьютера? «Наверное, труд сделал из обезьяны человека, а телефон и интернет снова вернули его в состояние обезьяны!» – подумал он и зашагал в указанном направлении. По дороге Тео попытался перевести сказанные рыбаком расстояния в метры или километры и никак не мог сосредоточиться и получить нужный результат. Он вдруг вспомнил фразу одного комика, которого видел не так давно по телевизору. Тот говорил, что их старое поколение отличается от современного молодого тем, что раньше, считали в уме и любили бесплатно. «А ведь он был прав, – решил Тео, – но только мне это сейчас ничем не помогает».

Он собрал весь свой рассеянный интеллект в кулак и наконец получил нужный ответ: примерно через 700 метров – 1 километр будет таверна. Сразу за ней нужно повернуть направо и пройти примерно 3 километра, и слева, в средней части горы, будет пещера. «Ну вот, можешь, когда нужно», – похвалил себя Тео и, довольный, продолжил свой путь. Так, развлекая себя по дороге, он дошел до нужной таверны, затем повернул направо, в сторону от моря, и долго шел по извилистой и петляющей тропинке, пока не оказался в конце ущелья. Справа была гора, слева тоже, и впереди, прямо перед ним, эти две горы между собой смыкались. Дальше идти было некуда – разве что, преодолевать гору через ее вершину. Никакой тропинки дальше не видно. И Тео загрустил. Может, он где-то сбился и заблудился? А может быть, это и есть то самое ущелье?

– Ни позвонить никому нельзя, ни в Гугл заглянуть! Все, приехали, – сказал он сам себе и уже потихоньку начал нервничать. Оглядевшись, он вдруг увидел высокого мужчину, который собирал травы у подножия той горы, что справа. Тео окликнул мужчину, и тот оглянулся. Этот человек показался Тео очень красивым – высокий, крепкого атлетического телосложения, лет пятидесяти или около того, с длинными светлыми волосами, повязанными сзади. На нем был странный круглый головной убор, завязанный вокруг головы и чем-то напоминающий арабские традиционные уборы, но только без платка. Больше всего Тео удивило его спокойное и невозмутимое выражение лица. Говорят, что добрый человек приносит пользу даже тем, что

он просто есть, и другие люди чувствуют себя хорошо и комфортно в его присутствии. Это можно было сказать и про этого человека. «Да, люди тут просто замечательные. Когда-нибудь нужно будет обязательно приехать сюда в отпуск!» – подумал Тео.

– Чем помочь тебе, о чужеземец? – спросил мужчина.

– Мир вам и милость Богов! – начинал входить во вкус колорита местного общения Тео. – Я ищу пещеру, в которой живет Божественный Пифагор, но, наверное, я заблудился. Вы не знаете, как мне отыскать его пещеру?

– Хочешь попроситься ему в ученики? Вряд ли он тебя возьмет.

– Почему это вряд ли? – с обидой и немного с гонором спросил Тео.

– Ты не похож на человека, который ищет мудрости. А искать ученичества ради хвастовства – этого Пифагор не любит. Говорю тебе – лучше не трать тут зря время, а поищи софистов в городе, и они за скромную плату тебя с радостью научат умным рассуждениям, которыми можно успешно хвастать перед удивленными девицами.

– Ну, это не вам решать, – начал обиженно возмущаться Тео и вовремя спохватился, чтобы не сказать этому человеку что-нибудь обидное. – Если знаете, где пещера, то подскажите. А если не знаете, то так и скажите.

– Посмотри вон туда, – показал рукой человек. – У подножия горы, чуть правее, есть дорожка – иди по ней. Затем, на развилке, свернешь правее. Когда упруешься в стену выше твоего роста, с большим фиговым деревом рядом, – там есть веревка, и с ее помощью ты можешь забраться на ту стену и дальше увидишь вход в пещеру.

Тео сухо поблагодарил мужчину и пошел в указанном направлении. Пока он лез вверх по тропинке на гору, то не мог найти ни одной весомой причины, зачем человеку в здравом уме и памяти нужно так удаляться от цивилизации и лезть на гору? Не хочешь жить возле людей – просто построй дом вдали от деревень, но на равнине, в шаговой доступности от всех благ цивилизации. Даже такой, как тут. «А может, это местные жители сами его сюда прогнали, подальше от себя, чтобы он не учил их своей теореме?» – размышлял Тео во время нелегкого восхождения на гору. С горем пополам он добрался до фигового дерева, которое непонятно как росло прямо в камнях и доросло до таких размеров, что укрывало своей пышной кроной всю трехметровую стену.

«А мое новое тело совсем ничего! В своем родном теле я бы сюда еще долго добирался», – подумал Тео не без удовольствия. Он нашел обещанную веревку и ловко забрался на стену. Оттуда показался вход в пещеру. Тео подошел ко входу и спросил разрешения войти, но никто не ответил. Он крикнул еще раз внутрь пещеры – ответа не последовало. «Двери тут нет, звонка нет, таблички и колокольчика тоже. А вдруг это не та пещера или вообще ничья?» – и, недолго думая, Тео зашел внутрь.

Пещера была довольно просторная. Условно ее можно было бы разбить на три последовательные комнаты, которые были разделены не стенами, а уровнями, типа каскада внутренних террас, но только снизу вверх, метра по полтора в высоту, поднимаясь от входа к противоположному концу пещеры. Тео поднялся на средний уровень, а затем на самый высокий, крайний – это была самая большая и просторная комната, если ее можно так назвать, с открытым проемом наружу во весь рост. Это было или окном, или дверью – то есть просто дыра в полный рост человека, выходившая в отвесную пропасть. Тео подошел к этому «окну» и увидел потрясающий пейзаж. Горы, покрытые густым хвойным лесом, ущелье, которое заканчивалось морем. Абсолютная тишина, которую нарушали только приятные слуху ветер и цикады.

В пещере повсюду были признаки жизнедеятельности человека – вещи, предметы быта, и у Тео уже не оставалось сомнений, что это именно та пещера, которую он искал. Он увидел внизу того мужчину, который показал ему дорогу сюда, и окликнул его из окна пещеры. Было слишком далеко, и мужчина его не слышал.

«А вдруг Пифагор сегодня не придет или куда-то уехал?» – размышлял Тео. Похоже, другой дороги в эту пещеру не было, и если он спустится вниз, то все равно не пропустит хозяина. А как именно Тео узнает, кого именно ему нельзя пропустить? Тут он понял, что понятия не имеет, как выглядит Пифагор. На картинках в школе он выглядел, как древний грек. Но тут все – древние греки! И он решил вернуться к своему недавнему знакомому, собиравшему травы. Если тот знал, как попасть в пещеру, то наверняка знает, и как выглядит Пифагор. А может, даже знает, когда тот вернется. Тео спустился с горы обратно в ущелье, подошел к мужчине и изобразил уже более доброжелательное выражение на лице.

– Я прошу прощения, но в пещере никого не оказалось. Вы не знаете, а когда Пифагор вернется?

Мужчина спокойно на него посмотрел и ответил:

– Ну, как закончит собирать травы, так и вернется. – И невозмутимо продолжил заниматься своим делом.

– Так Пифагор – это вы? – обескураженно спросил Тео. Ему было очень обидно, что его так по-детски провели, и он, как дурак, лез на гору, потом спускался обратно, чтобы сейчас стоять и глупо моргать глазами.

– Юноша, ты меня спросил, как найти пещеру, в которой живет Пифагор, не так ли? Я честно ответил на твой вопрос. Если бы ты спросил, как найти Пифагора, – то я бы так же честно ответил и на него.

Тео нечего было сказать, и он глупо моргнул и улыбнулся в ответ.

– Итак, что же привело тебя в эти края, о чужеземец? – спокойно и в то же время серьезно спросил Пифагор.

– Я хочу у вас учиться.

– Юноша, на Самосе вы найдете много учителей, которые за умеренную плату научат вас изъясняться умными словами и выгодно отличаться от своих необразованных ровесников. Я вам это уже говорил минут десять назад.

– Нет, вы не понимаете! Пифия сказала, что мне нужно встретить своего истинного учителя. Для этого я должен победить Дракона и познать себя, иначе не смогу вернуться к себе. А вы – лучший, кто может этому научить.

– Если из сказанного тобой убрать слово «Пифия», то можно было бы решить, что ты потерял рассудок или изрядно выпил лишнего. Но вот это самое слово – серьезный аргумент. Что же ты сразу нужный пароль не сказал? Рассказывай свою историю, о странный юноша.

Тео собрался с мыслями и попытался изложить события последних дней. Он исключил из них казино, алкоголь и прочие неудобные вещи и выдал относительно связный рассказ.

– Из какого ты года? – спросил Пифагор и посмотрел на Тео в упор. Его голос звучал серьезно, но в нем были нескрываемые нотки любопытства.

– Из 2019-го.

– Интересно. И что ты обо мне знаешь?

– Ну... вы открыли и доказали теорему Пифагора.

– Да? Как интересно. Не помню, чтобы я придумывал подобное, но сейчас это не важно.

А кем ты работаешь, чем занимаешься?

Тео не знал, как объяснить простым языком жителю Древней Греции работу программиста.

– У нас есть машины, которые умеют думать, считать и решать разные задачи для людей. Но для того, чтобы заставить их думать и воспринимать задачи, нужен человек, который может им формулировать и объяснять эти задачи на языке, который они понимают. Сами эти машины воспринимают команды человека особым образом, хотя они и не живые... – Тео понял, что он начинает запутываться и уже сам перестает понимать свою логику. Как же все это доступно объяснить?

– Ты программист и пишешь программы для компьютера? – слегка улыбаясь, спросил Пифагор.

Последовала немая пауза. Тео был слишком ошарашен ответом и не то чтобы не понимал, как ответить, но он все больше отказывался понимать то, что сейчас слышит.

– Простите, а вы сами из какого времени? – выговорил ошарашенный Тео.

– Из этого – примерно 500-й год до новой эры. То есть примерно 2500 лет до твоего времени, – ответил Пифагор, улыбаясь и прищуриваясь.

– А, ну вполне логично! – ответил Тео с диким взглядом и нелепо выпученными глазами. – Я же просто сразу не догадался, что у вас тут программисты тоже востребованы! А персональные компьютеры продаются рядом с каждой овощной лавкой! А электричество для них, наверное, добывают рабы на велосипедах...

Пифагор, не обращая внимания на этот хамский поток слов, улыбнулся и сказал:

– Видишь ли, время – это субстанция не абсолютная, не линейная и не герметичная. Есть определенная техника управления сознанием, которая позволяет открепиться от своей статической точки во времени и перемещаться по ленте времени вперед и назад, как по кинолентке.

– За последние несколько дней я почему-то слышу это уже во второй раз, – нервно сказал Тео. – Первый раз от Пифии. Но было бы хорошо узнать – а что же это за такая субстанция и что это за техника управления сознанием?

– Я не могу сейчас тебе дать больше объяснений, потому что ты не мой ученик. Но если когда-нибудь им станешь, я с радостью объясню тебе механизм этого явления и то, как он практически устроен и функционирует. А пока давай просто скажем так: для лучшего понимания будущей эволюции человечества и для лучшего понимания результата своих действий и их последствий в истории человечества я иногда перемещаюсь в разные эпохи и провожу там некоторое время. Мне важно понять быт, уклад жизни, культуру и ценности разных эпох человечества. *Политикам важно понимать и предвидеть эхо своих слов, а мне важно понимать и предвидеть эхо своих действий.* Давай на этот момент ограничимся таким общим объяснением, – попыток Пифагор.

Тео молчал, ибо не знал, как относиться к этому набору слов, очень напоминавшему ему яркий бред шизофрении. Но, с другой стороны, иной надежды на возвращение у него пока все равно нет. Если этому человеку хочется нести чушь – пусть несет, но главное, чтобы он помог Тео вернуться обратно. А если это не бред? И этот человек действительно обладает такими невероятными способностями? Ведь откуда-то он знает, что такое «компьютер» и «программист». Пифагор перебил его молчание:

– Так чем же я могу тебе помочь?

Тео не ответил на его вопрос, так как был в своих мыслях.

– Ладно, тогда пойдем обедать, – предложил Пифагор и махнул рукой, – каждому делу свое время, а обед – по расписанию.

Неподалеку на камне лежала небольшая котомка со свежими фруктами и овощами, а также немного сыра и хлебная лепешка. Тео обрадовался при мысли об обеде. Его голова кипела противоречащими теориями, а вкусно поесть и выпить вина – самый подходящий повод для паузы в этом странном разговоре. Подкрепившись, можно было бы и продолжить беседу в более расслабленной обстановке.

– Тут, в полудне, ходьбы, есть симпатичная таверна с мясом и рыбой на гриле и вином – я вас приглашаю! Давайте там пообедаем, – предложил Тео учтиво.

– Молодой человек, я благодарю вас за любезное приглашение, но я не ем мясо убитых животных и рыб, а ем только вегетарианскую пищу. Я также не пью алкоголь. Совсем. У меня вся моя еда с собой. Но если хотите – сходите, пообедайте там сами. Я не требую от моих собеседников соблюдения моих правил – это личный выбор каждого, поэтому ни в чем себе не отказывайте, юноша.

Тео было как-то неудобно и неловко идти самому обедать в таверну, особенно учитывая, что он проделал такой путь, чтобы встретить Пифагора. Да и он только что просил его стать своим учителем. И Тео решил остаться.

Да, обед фруктами и овощами с оливковым маслом – это, безусловно, отменная еда теплым весенним днем. Но только как дополнение к хорошему стейку. А если эта еда – единственная, то она уже становится не самой желанной. Странный местный сыр – Тео показалось, что он чем-то напоминал халуми. Разве что хлебные лепешки помогали хоть как-то утолить голод. Тео с грустью подумал, что если он будет каждый день так есть, то долго не протянет.

Новые собеседники сели за импровизированный стол. Пифагор поднял правую ладонь и неслышно что-то произнес, а затем они принялись обедать. Ели молча – Тео не знал, принято ли тут за едой говорить или молчать. И он решил следовать тому, что делает Пифагор. Тот молчал. Сейчас Тео вдруг показалось, что все происходящее вокруг него – полный сюрреализм и не имеет никакого отношения к реальности. Но все-таки он здесь, и у него нет другого выбора – значит, он будет играть по правилам этой новой реальности, в которой сейчас находится.

Пифагор снова начал разговор:

– Так чего ты от меня ожидаешь, человек из будущего?

– Пифия сказала: для того, чтобы вернуться обратно в мое тело и в мое время, мне нужно убить в себе дракона, потом познать самого себя и уже тогда, встретиться со своим истинным учителем, который вернет меня обратно домой, в мое время. А, по ее словам, вы – лучший, кто может этому научить. Вот. – Лицо Тео выражало грусть и безысходность. Его глаза молили о помощи, хотя было видно, что он сам не верил в то, что сейчас говорил. Но другой ниточки обратно у него не было.

– Твоя ситуация и просьба мне понятны, – спокойно и без эмоций ответил Пифагор. – Давай отложим этот разговор до завтра или послезавтра. Мне нужно подумать, пообщаться с Пифией и самому понять, что с тобой происходит и главное – зачем. А затем я смогу решить, как тебе помочь.

– С Пифией? Вы что, уезжаете в Дельфы? – с тревогой спросил Тео.

– Да нет, зачем? Онлайн, в скайпе обсудим, – улыбнулся Пифагор. – Шутка. Ну, шутка с долей шутки. Не переживай, в ближайшие пару дней все должно стать чуточку понятнее.

Спокойной ночи

Солнце уже начало прятаться за роскошными кронами величественных и грациозных хвойных деревьев славного Самоса. Солнце в горах вообще быстро садится. Два разных на вид человека расположились в уютной трехкомнатной пещере «с удобствами на улице». На первой, самой нижней террасе, которая была самой близкой ко входу, в дальнем правом углу, слегка на возвышенности, Пифагор развел огонь, и тот нежно и ненавязчиво потрескивал, разнося тепло и уют по этому природному естественному жилищу.

Тео сразу подумал, что это было самым верным решением, так как угарный дым от горения собирался внизу и мог выходить через «вход», а теплый воздух поднимался вверх и хорошо обогревал среднюю и верхнюю террасы пещеры, которые находились выше. В средней комнате, у стены, стояла амфора с питьевой водой. По совету Пифагора Тео принес несколько охапок мягкого хвороста и листьев, чтобы обустроить себе временное ложе на среднем уровне. Он смотрел на все происходящее с легким ужасом, хотя вида старался не показывать. «А если ко мне во сне заползет какой-то крупный жук? А если скорпион или тарантул? Про диких зверей, которые вообще могут принять меня за праздничную ночную трапезу, и думать не хочется. В палатке можно хоть закрыть вход, а тут – ты просто шикарное предложение от шеф-повара любому хищнику, проходящему или проползающему мимо», – с ужасом размышлял Тео. Его

успокаивало только одно – Пифагор, судя по всему, живет тут уже какое-то достаточное время, и с ним до сих пор все в порядке. Так что надежда есть.

«Но правда же, если вдруг что-нибудь случится – никакой больницы не будет, в ближайшие 2000 лет никаких лекарств и антидотов нет и не будет тоже, спасательный вертолет не прилетит, так что помощи ждать неоткуда». – И тревога Тео начала возрастать, хотя внешне он старался излучать спокойствие. И от этого, как говорил классик, ему было «и страшно, и весело». На улице уже темнело, и хоть в пещере уютно потрескивал небольшой костер, который можно было бы воспринимать как домашний камин, все же темная ночь в дикой пещере оказывала на Тео видимое и осязаемое воздействие. Ему было больше страшно, чем весело.

– Вы знаете, меня не оставляет один вопрос, – не выдержал он и решил спросить об этом Пифагора. – Как вы не боитесь тут жить один, спать один? Вы же столько всего знаете и наверняка понимаете всю опасность лучше других!

– И чего же, по-твоему, я должен бояться? – улыбаясь спросил Пифагор в ответ.

– Да как чего? Ну, к примеру, диких зверей, змей, пауков! Да мало ли кто или что может решить, что вы очень напоминаете ему его обед или вкусный ужин?

– Тео, ты слышал легенду о Гаутаме Будде и гигантской кобре? – Пифагор вопросительно посмотрел на Тео.

– Что именно я должен был о них слышать? Я же не буддист, поэтому мои познания в этом весьма скромные.

– Однажды Гаутама Будда сел медитировать с учениками, и в это время пошел сильный дождь. Будда не пошевелился и продолжал безмолвно медитировать. И вдруг из-за кустов появилась огромная кобра. Ученики сидели в ужасе и не могли вымолвить ни слова. Они боялись даже подумать, что сейчас может произойти, ведь их учитель был в состоянии медитации, его сознание было отключено, и он ничем не мог себе помочь. Между тем, кобра подползла сзади к медитирующему Будде, поднялась над ним, раскрыла свой огромный капюшон и прикрыла его от дождя. А когда дождь закончился, кобра сложила капюшон и уползла прочь. Будда при этом продолжал сидеть в медитации, так же безмолвно и неподвижно.

– Ну мы же с вами понимаем, что это все мифы и легенды. Я даже не уверен, что сам Будда был реальным человеком, а не вымышленным.

– Ну, тогда и я тоже – миф. Не может же живой человек общаться с мифом, верно? А Гаутама Будда – мой сердечный друг, знакомство с которым я очень ценю, – снова улыбаясь прокомментировал Пифагор. – Однако вернемся к первоначальной теме.

У большинства людей и твоего, и моего времени весьма ложные представления о животных. И это несмотря на то, что ученые твоей эпохи очень сильно продвинулись в изучении психологии животных. Но, к сожалению, любые открытия ученых не оказывают никакого влияния на отношение людей к животным.

Ученые твоей эпохи выяснили, что, например, у дельфинов и китов есть все, что мы называем полноценным общением, – имена, родственники, семьи, даже внутрисемейные конфликты. После открытия всего этого одна из групп ученых, которая занималась этим исследованием, добивалась от ООН признания дельфинов и китов полноценными разумными существами и распространения на них прав человека, чтобы их права были защищены уставом ООН наравне с человеком. Но кто же захочет перестать считать себя единоличным хозяином этой планеты и ограничить себя в правах? Сильные мира сего вашего времени даже не стали это обсуждать.

– А вы и про ООН знаете? – Тео ошарашенно посмотрел на Пифагора.

– Ну, я же тебе говорил, что мне важно знать и понимать уклады жизни людей в разные времена, включая и твое. Но я все же продолжу. Как говорится: «Извините, что я говорю, когда вы меня перебиваете».

Было видно, как Тео смутился своим неуважительным поведением, а Пифагор тем временем продолжил:

– Всем известно, что, например, в Африке, среди животных, существуют так называемые «пакты о взаимопомощи». Очень часто можно наблюдать, что дикие животные перемещаются группами, где есть животные, которые хорошо и далеко видят, другие хорошо слышат, и те, у которых сильное обоняние, – и животные держатся такими группами, чтобы помочь друг другу вовремя обнаружить приближающихся хищников. А во время засухи возле водопоя можно часто наблюдать, как грозный хищник пьет воду рядом со своей потенциальной добычей, но не смеет ее трогать и нападать, так как это водопой и время засухи, а у животных в такое время – взаимный договор о ненападении. Это также научный факт. А может, ты видел, как говорящие попугаи могут считать цифры подряд и переходить с одного языка на другой? Официально ученые твоего времени доказали, что как минимум 3 вида птиц распознают и различают разные человеческие языки. Но высокомерие вашей науки называет это «условным рефлексом», а не интеллектом. Хотя у человека то же самое называют иначе. Суть всего сказанного в том, что животные – это далеко не такие глупые создания, какими их любят представлять люди. И у них, как правило, гораздо больше проявлений благородства и сострадания, чем у многих людей. Когда мерзких людей обзывают «животными», мне кажется, это оскорбление последних. У многих монахов-отшельников в разных частях света есть много документальных свидетельств того, что хищники помогают монахам с водой, с едой, приходят к ним, как друзья, – и это тоже многократно описано в разных книгах. Поэтому и тут, Тео, животные чувствуют природу человека и его намерения гораздо лучше, чем сам человек. Поэтому, если твои помыслы чисты и ты сам испытываешь к животным уважение и сострадание, – ты можешь спокойно ждать от них только помощи и дружбы, но никак не вреда. Люди, Тео, гораздо более опасны, чем животные, и их нужно бояться больше. «Змея никогда не укусит без причины и не причинит вреда не тому, кому нужно», – известное выражение на востоке, – так заключил свое длинное объяснение Пифагор.

– Ага. Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки, – вслух подытожил Тео все услышанное.

– Ладно, давай ложиться спать. Тебе нечего бояться и опасаться, так что спи совершенно спокойно. Тут нет опасных для тебя хищников, ядовитых змей и пауков, все хорошо, – успокоил Пифагор. – И, кстати, давай договоримся на будущее: нельзя ничего говорить без света. Это нужно понимать и буквально, и в переносном смысле. Во-первых, когда солнце село, без особой необходимости лучше до восхода воздержаться от любых бесед. Это не предрассудки – в этом есть вполне рациональный смысл, который тебе пока не понятен. Во-вторых, метафорически это означает, что стоит говорить только о добром и хорошем. И также стоит воздерживаться от грубой речи или обсуждения чего-нибудь грязного и недостойного. И этому тоже есть вполне рациональное объяснение, связанное с волновой энергией слов и мыслей и их влиянием на твое тело. В качестве примера скажу, что есть прямая связь между здоровьем зубов и тем, что человек говорит: чем больше человек сквернословит и говорит слова с грязным и грубым смысловым и энергетическим содержанием – тем больше страдает здоровье его зубов. И наоборот. Можешь не верить, но это факт, исследованный и описанный на Востоке. Вообще, каждый раз, когда хочешь что-нибудь сказать, всегда подумай: станет лучше от того, что ты это сказал? Если нет, то лучше промолчи.

– Ладно, солнце уже село, и «Шехерезада прекратила дозволенные речи», – с улыбкой сказал Тео, сам не понимая, почему он вдруг вспомнил сказки французского писателя Галлана, которые ему мама читала в детстве. Вообще Тео пока не мог сам себе объяснить свои ощущения, но Пифагор вызывал чувство какого-то величия и недоступной высоты, что выражалось в необъяснимом безграничном уважении и доверии ко всему, что Пифагор говорил

или делал. Хотя, конечно, многое из услышанного казалось Тео совершенно странным, невероятным и даже спорным, с его точки зрения.

Тео пожелал Пифагору спокойной ночи и лег на свое ложе из мягких веток и листьев, накрытых чистой тканью. «Будь что будет», – подумал он и закрыл глаза. Уснуть было не так-то просто. Голодный желудок и насыщенный день требовали нормальной еды, но свежий воздух и физическая усталость начали перевешивать, и через короткое время в пещере уже звучало ритмичное негромкое сопение.

Глава 6. А в это время в Афинах

*– Я... я не знаю, кто я теперь, – робко проговорила Алиса.
– Я знаю только, кем я была, когда встала сегодня утром. С тех пор я изменялась очень много раз.*

Льюис Кэрролл

В палате 34 в центральной клиники Афин лежало тело мужчины 36 лет. Левая рука и плечо были покрыты гипсом. Все тело и голова плотно забинтованы. Вот уже пару дней это тело безжизненно лежало на больничной койке, имея все физиологические признаки жизни – пульс, температуру, – но не имея при этом никаких признаков самой жизни. Это было тело Тео.

К вечеру каждого дня к этому телу приходила молодая женщина, примерно такого же возраста, сидела пару часов рядом, плакала и затем уходила. Дважды за это время приходила пожилая женщина, тоже плакала возле тела и затем уходила. Но само тело было одинаково равнодушно к обеим посетительницам. Единственным его отличием от овоща на полке магазина были пульс, нормальное кровяное давление и температура выше окружающей среды.

Сегодня, как обычно, молодая женщина снова зашла в палату и присела на стул возле койки. Примерно минут через десять послышался шорох – тело открыло глаза и попробовало пошевелить головой. Елена вскочила и воскликнула: «Тео! Слава Богу!»

Но тот, кого она назвала Тео, ее энтузиазма явно не разделял. Его лицо было наполнено ужасом. Он смотрел на свое белое облачение, на разное оборудование вокруг, капельницы, и все это только увеличивало его ужас. Елена в слезах без умолку что-то говорила, держа его за руку. Она спрашивала, что у него болит, как он себя чувствует, но это были риторические вопросы, не требующие ответа, так как сразу после этого она продолжала рассказывать, как за него переживала, и как он мог так бездумно поступить, ведь он уже не подросток и должен понимать последствия своих глупых поступков, и что ему пора остепениться, и, может быть, сейчас он, наконец, возьмется за ум... Но тот, кому она все это говорила, не понимал решительно ничего – ни того, что ему твердила эта странная незнакомая женщина, ни того, что он видел вокруг себя. Это был Алкей. Вернее, его сознание в тучном и хорошо изношенном физическом теле Теодора.

«Кто это? Я в Аиде, и это Персефона? Вряд ли бы Персефона бы так обо мне пеклась. Боги наказали меня за мой дурной проступок и заковали в эти белые латы! Но почему тут не темно и сыро, а светло и приятно? Разве у Богов тоже есть кровати?» Все, что он видел вокруг себя – удивительные и незнакомые предметы и материалы, из которых были изготовлены окружающие предметы, светящиеся дощечки белого цвета, на которых причудливо сами рисовались светящиеся разноцветные линии и показывались какие-то символы и буквы, причудливые прозрачные сосуды и тонкие прозрачные гибкие трубки, из которых и по которым что-то текло прямо в его тело, – это все могло быть только чудесами, созданными богами, так думал Алкей. Хотя женщина и не была похожа на Богиню. Ну, по крайней мере, как он себе представлял Богинь. Хотя одежда у нее была очень странная.

Дверь в палату открылась, и вошла еще одна женщина, моложе первой. Вся в зеленой одежде, в зеленых брюках и в странном круглом головном уборе. Новая женщина казалась очень радостной, назвала Алкея больным и поздравила с возвращением. Алкей вспомнил, что «человек рождается из земли, и в нее же потом и возвращается». «Точно, я в Аиде! – подумал он. – Но тогда почему тут светло, не страшно, а даже приятно? Я так и знал, что все сказки про страшный Аид были враньем нашей знати! Наша власть и жрецы все знали и всегда нас обманывали, чтобы заставить делать то, что они хотят! А мы, простой народ, им наивно верили, как глупцы! Но почему та, первая, женщина называет меня Тео, а не моим настоящим именем?»

А может быть, они меня с кем-то перепутали, и я, вместо него, случайно попал сюда, а не в Аид? Тогда, наверное, пока рано обвинять наших правителей... Нужно еще немного разобраться».

Алкей не говорил ни слова, а только смотрел и кивал, когда его о чем-то спрашивали. Женщина в зеленом куда-то ушла и вернулась с небольшой плоской дощечкой со слегка поднятыми закругленными краями. На этой дощечке стоял небольшой и прямой стеклянный кувшин без ручки – видимо, с водой, – и небольшая тарелка с какой-то светлой жижой, похожей на похлебку из овса. Рядом с тарелкой лежал миниатюрный белый черпак из странного и невероятного легкого материала. Кроме этого, на дощечке стоял небольшой белый цилиндр, на котором странным образом и очень реалистично были нарисованы клубника и сливки. И сделан этот цилиндр был из чудного, также чрезвычайно легкого белого материала. Эта женщина взяла мини-черпак, зачерпнула им похлебку и вывалила ее прямо Алкею в рот. Алкей попробовал похлебку – ему вполне понравилось. Он с удовольствием поел. Да, все это никак не было похоже ни на один рассказ об Аиде, который он слышал.

Алкей не представлял, что ему сейчас делать и как себя вести? Если он попал к богам, и вдруг скажет им, что думает, будто он сейчас в Аиде, – этим он, несомненно, сильно бы их разгневал. А если он в Аиде, то как только что-нибудь скажет, то тут же может быть жестоко наказан или вообще сослан на вечные муки! Алкей нашел компромисс. Он решил, что пока не разберется, где он и что с ним – будет только молчать и кивать.

Спустя какое-то время первая женщина, называвшая его Тео, ушла. «Какие у нее странные и возмутительные одежды! Какая совершенно бесстыжая женщина! Никогда не видел, чтобы одежда так плотно облегалась тело, особенно обе ноги! Но, наверное, так и положено одеваться Богам?» – подумал Алкей. Думать, что он у Богов, ему явно нравилось больше, чем считать, будто он в подземном царстве Аида. На стене его комнаты висела еще одна большая, широкая и плоская черная доска. Зашла вторая женщина в белой одежде, взяла в руки какой-то узкий и длинный черный предмет, похожий на рукоятку от меча, но без самого меча, а только одна рукоятка, с белыми крошечными символами, нажала на маленький красный круг – и вдруг в этой плоской доске показался человек, который что-то рассказывал.

«Эта дощечка – окно, которое само открылось? Но оттуда нет ни ветра, ни запаха, — раздумывал Алкей. – Вот оно, истинное чудо!» А в это время в «окне» мелькали какие-то дивные пейзажи, картины и надписи, и появилась новая женщина, одетая в странное синее платье. Она начала рассказывать что-то про Древнюю Грецию, говорила о Дельфах, о храме Аполлону и о Пифии, но тут она сказала страшное. Это страшное Алкей не мог себе даже представить. Эта женщина сказала, что, согласно мифам, Пифия жила 2500 лет назад. После этого женщина показала какие-то развалины и сказала, что это развалины храма Аполлона.

Алкей был от рождения совсем не глуп, а скорее даже сообразителен. И в его голове начал сходитьсь весь пазл. Он не в Аиде. Он в Греции. Он сейчас на 2500 лет позже, чем был в момент прыжка со скалы. Алкей понял, что его принимают за кого-то другого. Это значит, что если они поймут, что он не тот, а кто-то другой, то так относиться к нему, скорее всего, перестанут. Но эта версия одинаково вероятна с той, что он все-таки у Богов. «О Боги! Что же мне делать? – в панике думал Алкей. – Я же ничего не знаю о том, за кого они меня принимают, кроме нового имени – Тео. И какое совершенно странное имя!»

Его родителей тут нет. Мама и брат также, скорее всего, уже давно закопаны где-то очень глубоко. Что же делать? И Алкей решил, что самым разумным будет говорить всем, что он ничего не помнит. Он вспомнил, что где-то слышал, как иногда у человека пропадает память, и, бывает, она снова к нему возвращается. Если эти люди ему поверят, то начнут его учить тому, что он «забыл», и таким образом он всему научится, и никто ни о чем не догадается.

«А если появится настоящий Тео? – вдруг подумал Алкей. – А как он появится, если я живу в нем? Да и в любом случае – когда появятся проблемы, тогда и будем их решать, по мере поступления. А пока – я потерял память». Мышление Алкея начинало судорожно работать

в режиме максимальной эффективности – чувство самосохранения помогало, как могло. Он начал осматриваться. В окне ничего не было видно – наверное, оно расположено на возвышенности. Чем больше Алкей изучал окружающую его обстановку, тем больше ему все это нравилось. Очень мягкая кровать – он никогда такую раньше не встречал, какие-то светлые предметы на потолке и в стенах, которые сами излучали много света, и этот свет ничего вокруг себя не сжигал, и в него никто не подбрасывал никаких веток. Теплая и вкусная еда, удивительные дощечки, которые сами показывают картинки и издают звуки. Это слишком похоже на рай, и у Алкея сейчас не было никаких причин не верить тому, что он видит. А где на самом деле находится этот рай, в котором он сейчас – у Богов ли или в далеком будущем, – не так уж и важно, решил он для себя. Теперь у него одна задача – побыстрее самому всему учиться, чтобы максимально быстро и гармонично вписаться в этот дивный новый мир, и чтобы, не дай Бог, на него не разгневались местные обитатели и не наказали за обман. И Алкей начал с жадностью изучать все, что его кружало. Трудно представить себе более мотивированного к учебе человека, чем сейчас был Алкей.

Глава 7. Недоброе утро первого дня

– А ты не знаешь, что на всякое хотенье есть терпенье?

Льюис Кэрролл

Проблема с недостатком еды оказалась не самой большой проблемой. Обнаружилась проблема посерьезнее – сон оказался гораздо короче, чем Тео предполагал. Ему казалось, что он только что уснул, и едва закрыл глаза, как его плеча мягко коснулась рука, и тихий приветливый голос сказал, что пора вставать.

– Это такая шутка? – спросил Тео с закрытыми глазами, еле выговаривая слова. – Который час? – спросил он по привычке, но сразу потом вспомнил, что часов еще не придумали.

– Примерно около пяти утра, – ответил Пифагор.

– Это такая специальная методика спровадить учеников? Лишать их сна, чтобы они больше никогда и не подумали возвращаться? – ворчал спросонку Тео, невнятно выговаривая слова.

Есть люди, которые постоянно встают в 4:30 утра из-за того, что они рано начинают работать. Есть люди, которые изредка встают в 4:30, чтобы успеть на ранний утренний рейс, на самолет или на поезд. Есть даже такие психи, которые добровольно и без принуждения встают в 4:30 утра, чтобы поехать на рыбалку! Тео подумал, что за всю свою жизнь он ни разу не вставал так рано. Ложиться спать рано утром – да, такое частенько бывало. Но вот вставать в такое время – такого Тео за собой не припоминал.

– Да, бывало, я в такое время ложился спать. Но вставать в такое время – это пытка, которая должна быть запрещена Женевской конвенцией, – злобно ворчал Тео. У него был типичный синдром «утро добрым не бывает». Но Пифагор, казалось, воспринимал это совершенно спокойно и без раздражения.

– Уже очень скоро встанет солнце, и нам никак нельзя пропустить этот момент, – сказал он доброжелательно и направился в верхнюю комнату, к естественному «окну в мир».

Тео не понимал, почему почти 14,000 восходов солнца на протяжении 36 лет – это было не важно, а теперь, именно сегодня, его нельзя пропустить? Но он все равно послушно встал. Его глаза были то ли полуоткрыты, то ли полузакрыты, но точно не открыты, хотя он уже видел, куда нужно ступить. Он подошел к амфоре, зачерпнул из нее воды в небольшой черпак и умылся около «окна». Холодная вода начинала его потихоньку будить, и в несвязном бурчании Тео стали появляться разумные звуки. Однако было явно видно, что он еще не полностью здесь и сейчас, и с ним еще нельзя начинать серьезные беседы.

Луч солнца золотого

Солнце еще не взошло, но рассвет уже занимался, и блеклый, робко появляющийся свет нового дня начинал отнимать свое место у темноты, как слабый росток дерева несмело, но неумолимо и бесповоротно пробивается сквозь асфальт, самостоятельно прокладывая себе дорогу в мир. Пифагор позвал Тео за собой, и в сумерках начинающегося рассвета они оба сели на землю у «окна». Начинало светать, но самого солнца еще не было видно. Расположение пещеры было таким, что ее окно выходило практически на восток, и открывался потрясающий вид на восход, то есть на то место, где солнце будет всходить. Лучшее место для созерцания представить трудно. Тео не задавал лишних вопросов, он тихо и послушно, а главное – молча сел рядом. Немного помолчав, Пифагор объяснил:

– Сейчас будет одно из самых важных событий сегодняшнего дня – восход солнца. Люди очень недооценивают это событие, а оно играет большую роль в физическом и моральном

здоровье человека. Запомни, Тео, – день, прожитый без созерцания солнца, прожит наполовину зря.

– Но, насколько я знаю, смотреть на солнце – это же вредно для роговицы и сетчатки глаза, можно получить ожог, – возразил Тео.

– Совершенно, верно, мой слегка ученый друг, – улыбнулся Пифагор, – поэтому человеку можно и обязательно нужно смотреть на солнце, но только в определенное и безопасное для глаз время – в течение получаса с момента восхода или в течение получаса до момента захода. В это время солнечные лучи не такие сильные, и они не вредят поверхностям глаза, а оздоравливают зрение и тело. А затем можно увеличивать интенсивность и созерцать солнце уже в течение часа после восхода и за час до заката. Фокус в том, что когда солнечные лучи не очень сильные, то они вызывают прилив крови к глазу, и зрение становится острее, цвета ярче, глаз здоровее. И при этом в короткий промежуток времени солнечные лучи еще (или уже) не настолько сильные, чтобы причинить глазам вред. Смотреть на солнце нужно постепенно, начиная, скажем, с 15—20 секунд, и потом увеличивать это время. Нужно опираться на свое самочувствие и не допускать слишком болезненного ощущения. Результат при этом чувствуется довольно быстро. При ежедневном созерцании уже через неделю ты почувствуешь улучшение зрения, и краски станут более яркими и живыми, а резкость и острота зрения повысятся. Но если не соблюдать осторожность, то можно сделать наоборот и необратимо повредить свой зрительный орган. Всегда нужно помнить нашего дорогого и уважаемого основателя фармакологии – Парацельса: «Все есть яд, и все есть лекарство. Определяет лишь мера».

Тео, ты никогда не обращал внимания на то, что в твоё время наблюдается резкое увеличение количества людей со слабым зрением, носящих очки или контактные линзы, что существует с таким же резким ростом людей, носящих солнцезащитные очки, которые ограждают глаза от природного света? Думаешь, это совпадение? Да, можно найти массу публикаций «британских ученых» на тему того, как природный свет вредит глазам и как полезно носить солнцезащитные очки. Но не мне тебе рассказывать, как работает система грантов научных исследований с заранее требуемым результатом для того, кто оплачивает это исследование. При достаточной материальной мотивации нужные результаты появляются легче, чем ты думаешь. Могу привести только один очевидный факт – все органы человека максимально адаптированы к естественным природным явлениям и нуждаются в регулярном соприкосновении с природой для нормального функционирования. Это очевидный и несомненный факт. Но кроме того, дорогой мой Тео, так как наш организм состоит из воды, то солнечные лучи определенным образом также гармонизируют и воду в нашем организме и способствуют улучшению общего здоровья, стимулируют выработку определенных важных гормонов, которые содействуют хорошему настроению. И я сейчас даже не упоминаю общеизвестный факт, что витамин D вырабатывается в организме человека именно под воздействием солнечных лучей. Это такая «природная» дозправка организма, которая людьми очень недооценена. Поэтому я еще раз повторю: день, прожитый без созерцания солнца, прожит наполовину зря, – закончил свое объяснение Пифагор.

Они смотрели на то место, откуда вот-вот должно было показаться Солнце. Все вокруг потихоньку начинало озаряться светом восходящей звезды, но ее самой пока по-прежнему не было видно. И тут вдруг, из-за далекого холма показался одинокий яркий лучик, потом другой, и вот маленький круг из живого огня начал быстро подниматься над горизонтом. Тео никогда не обращал внимания на то, насколько быстро встает и поднимается солнце, с того момента, как оно только показалось. Это простое и кажущееся банальным зрелище было настолько простым и очевидным, но одновременно настолько грандиозным и радостным, что произвело на почти 40-летнего поседевшего мальчика неизгладимое впечатление восторга. Ни разу за все годы своей жизни он этого не замечал.

Пифагор и Тео неподвижно стояли и смотрели на солнце несколько минут, после чего Учитель предложил Тео пойти искупаться. Тео попросил подождать минуту – в его глазах сейчас перед ним были большие темно-красные пятна – видимо, первая реакция глаз на созерцание солнца. Он закрыл глаза, дождался минуты полторы, открыл их снова и уже спокойно пошел за Пифагором.

– Нас учили, что в Древней Греции люди были уверены, что солнце вращается вокруг Земли, и мифы о боге Солнца Гелиосе только укрепляли их убеждения, – сказал Тео и вопросительно посмотрел на Пифагора, как бы спрашивая его комментарий.

– Отчасти это так, – спокойно и без смущения ответил Пифагор, – люди ведь разные бывают. Вот в твоё время есть целое движение людей, которые искренне верят в то, что Земля плоская. И что с этого?

Люди есть разные. С одной стороны, мы с моими учениками точно определяли соотношение орбит планет в Солнечной системе, мои коллеги в Вавилоне оценивали размеры орбиты Земли на основании их наблюдений за суточным и ежегодным смещением звезд на небе. Ты же понимаешь, что нам не нужно объяснять, что вокруг чего вращается, если мы исследовали макропараметры этого вращения. Но, вместе с тем, те, кто писал книги о нашей жизни, те, кто нами управлял и контролировал содержание этих книг, – они, действительно, жили в своем примитивном понимании устройства мира и в буквальном смысле полагались на мифы.

Тео более чем устроило это объяснение, и он благодарственно кивнул в ответ и пошел собираться для ежедневного утреннего купания.

Справа налево? Или все равно?

Тео надел сандалии и начал их завязывать. Человек ко всему привыкает, и Тео уже начал привыкать к ношению одежды и обуви этого времени. Он думал, что непонятно, как тут быть, если заболеешь. Также не понятно, как люди переживают зиму и холода, но сейчас, пока на улице поздняя весна и лето, и у тебя ничего нигде не болит, – в принципе, все казалось вполне терпимо и приемлемо. Пифагор обратил внимание на обувание Тео и спросил его:

– Скажи, а в какой последовательности ты надеваешь и снимаешь обувь?

Тео решил, что это такой своеобразный утренний юмор от Мудрого Философа, и пошутил в ответ:

– Я всегда обуваю сначала одну ногу, потом другую. И если бы вы спросили, какой глаз я открываю первым и какой первым закрываю, то там такая же последовательность.

Тео решил, что его ответ очень остроумен, и он победно посмотрел на Учителя в ожидании, что тот оценит его юмор. Однако Пифагор почему-то не обратил внимания на его юмор и спокойным тоном ответил:

– Ты, конечно, можешь иронизировать, но фокус в том, что ирония в учебе не помогает. Надевать обувь нужно всегда с правой ноги, а снимать с левой. Это правило, и его стоит придерживаться. Конечно, с тобой не случится ничего плохого, если ты не будешь это соблюдать. Абсолютное большинство людей об этом даже не подозревает и потому не соблюдает. Но если ты все же будешь это соблюдать, то с тобой случится меньше плохого и больше хорошего.

Тео стало немного стыдно за свое бахвальство и неуместный юмор, и он серьезно спросил Учителя:

– Объясните, пожалуйста, почему вы так говорите и с чем это связано?

– С одной стороны, это связано исключительно с физиологией человеческого тела и с течением электрического тока в нашем теле, – охотно начал объяснять Пифагор. – Тебе, конечно, известно, что такое «заземление» – это когда электрические приборы подключают к электрической розетке, а из нее выходит особый провод, который уходит в землю или подключен к зданию, которое и есть часть земли. Делается это для того, чтобы статическое элек-

тричество уходило в землю, а не в электроприбор, и не повредило бы тем самым твоё электрическое устройство. Так вот, когда ты стоишь босыми ногами на земле, то микро-электрические токи с обеих ног взаимодействуют с землей, которая играет такую же роль заземления, как и с электроприборами. Кроме того, в самой земле также есть природные микротоки. Поэтому, когда ты первой обувашь правую ногу, а снимаешь обувь вначале с левой, это создает правильное начало и завершение течения электрических микротоков в организме и более благоприятствует твоему здоровью. Снова никаких чудес – только наука. И, кстати, это не мое открытие. Если ты спросишь даже в твоё время любого шамана в Америке, Австралии или даже в Сибири, они тебе расскажут то же самое, ведь для них это само собой разумеющееся. Но в этом есть и метафорический смысл: ты никогда не обращал внимание, почему в нашем языке «право» (в смысле – «закон») и «правый» (тот, кто прав), «правую» сторону (ту, которая справа) и то, что человек прав, то есть на его стороне правда, – все это называют одним и тем же словом? Ведь если на твоей стороне правда, тебе говорят – «ты прав», то есть правый. Это оттого, что правая сторона ассоциируется с правдой психологически, а главное – метафизически. Поэтому когда ты, обуваясь, отдаешь первое предпочтение правой ноге – ты этим самым отдаешь предпочтение правде.

– Ну, это же просто символически, – скептически отозвался Тео.

– А ты не задумывался, сколько всего в жизни человек делает символически? Как вообще символы влияют на наше поведение и управляют нашими привычками? Ты не задавался вопросом, почему все религии уделяют такое огромное внимание символам? Но это уже другая история, хотя и очень важная и объемная. Есть известное выражение: «Миром правят не законы и правила, а знаки и символы». Думаю, в этом что-то есть.

Тео подумал, что он не знает ни одного человека, который следил бы за тем, с какой ноги он обувается, а с какой разувается. Наши родители и их родители ни разу в жизни за этим не следили и прожили полноценную счастливую жизнь. Но если это действительно положительно влияет на здоровье, а может, и на что-то еще, то, наверное, стоит обратить на это внимание. «Нужно будет об этом потом еще раз спокойно подумать», – заключил он про себя.

Мужчины вышли в путь по направлению к морю, и Тео показалось, что от мысли о купании в 5 утра у него нервно дернулся правый глаз. А потом и левый. Двое рослых мужчин осторожно спускались со стены, держась за веревки, а затем – с горы вниз, к ее подножию. Примерно через 30 минут они подошли к пустынному и безлюдному берегу.

«Ни тебе зонтиков, ни лежаков, ни коктейлей на пляже. Эх, такая территория пропадает!» – подумал Тео. Он был приятно удивлен, что пляж весь покрыт чистым белым песком, и ему не нужно скакать по острым камням. А цвет воды был настолько изумрудным, что даже Тео восхитился красотой этого пейзажа, несмотря на свое обычное равнодушие к природе. Они вошли в море, и Тео уже не знал, радоваться ему или плакать, – с одной стороны, вода была, мягко говоря, обжигающе-бодрящая. А с другой – она так замечательно тонизировала организм, что Тео ощутил небывалый подъем сил и энергии. Ему захотелось пробежать километров десять, подтянуться на турнике раз двадцать и еще раз зайти в море. Хотя, после окончания школы Тео никогда не бегал и одного километра. А подтягивался он последний раз вообще в классе шестом, то есть уже лет 25 назад, и то даже тогда он мог подтянуться всего раз пять. Но сейчас ему казалось, что он непременно смог бы это сделать. Особенно учитывая, что сейчас у него новое тело после неожиданно случившегося апгрейда.

Они вышли на берег, обтерлись плотной тканью и направились обратно к пещере.

Еще одна пещера?

Когда мужчины зашли в жилище, Пифагор попросил Тео сходить и принести воды.

– А можно вас попросить показать мне первый раз, где вы берете воду? Тогда потом я смогу сам ходить, когда нужно, – попросил Тео.

Пифагор молча кивнул, и мужчины отправились в путь по узкой тропинке от раскидистого дерева инжира. Буквально в метрах пятидесяти была развилка, и Пифагор свернул не вниз, к подножию горы, а вверх, по направлению к ее вершине. Тео это не очень обрадовало. Они поднимались минут десять по крутому уклону, хоть и по хорошо протоптанной тропинке. И в конце самого крутого подъема показался вход в другую пещеру. Они вошли, но никакой воды не было видно.

Пифагор зажег факел, сделанный из толстой деревянной ветки, с концом, перемотанным тонкими лоскутами ветоши, смазанными какой-то древесной смолой, поманил Тео жестом за собой, и они прошли вглубь. Это была сталактитовая, или сталагмитовая пещера (Тео точно не помнил, что есть что), пол которой уходил глубоко внутрь, с уклоном вниз. Они прошли в самый конец пещеры, но воды по-прежнему не было видно. И Пифагор указал Тео на небольшой заборчик, похожий на загородку. Тео стоял в паре метров от этой загородки и не мог понять, в чем дело – там ведь пусто. Пифагор опустил амфору, и послышался звук воды.

Удивительно! Эта невысокая загородка служила небольшим импровизированным бассейном с питьевой водой! Подземные воды просачивались сквозь породы, и чистойшей питьевой вода собиралась в этот импровизированный резервуар. А из-за того, что в пещере абсолютно не было движения воздуха, а вода была идеально чистой, поверхность ее оказалась практически прозрачна и совершенно невидима! Тео был очень впечатлен увиденным. Он взял амфору с водой и вслед за Пифагором пошел обратно к выходу.

Да, проста и неказиста еда простого программиста

На завтрак Пифагор предложил Тео сквашенное молоко, похожее на кефир, и мед. Тео про себя отметил, что он пробовал такое сквашенное молоко в Женеве, где по-французски его называли *fromage blanc*, т. е. белый сыр. Не задавая лишних вопросов, Тео съел эту нехитрую еду. Мед был удивительно ароматным и слегка терпким на вкус.

– А из чего этот мед? – спросил он.

– Тут растет очень много разных трав, которые мы применяем в качестве специй, так что это мед из разных цветущих специй. Нравится?

– Очень! Никогда не ел подобного меда! – ответил Тео.

– Если хочешь поддерживать тело в здоровом состоянии, употребление свежего меда каждый день на завтрак очень этому способствует, – сказал Пифагор. – Мед – это особый и уникальный продукт и люди зря недооценивают его целебные свойства. В моей школе мы постоянно старались, чтобы для всех учеников на завтрак постоянно был мед.

– Знаете, вначале, когда я только оказался в Древней Греции, поначалу не осознавал, насколько еда тут будет отличаться от того, к чему я привык и на чем вырос. Я всегда принимал еду в наших ресторанах как нечто должное и само собой разумеющееся. Знаете, у нас есть забавная шутка, что есть в ресторанах нужно так, чтобы после этого было жалко ходить в туалет. Но даже в ваших лучших тавернах еда относительно простенькая и непряхотливая, а наша даже простая кухня по сравнению с вашей кажется суперизысканной.

– Тео, я, конечно, оценил твою шутку, но все же, если исходить с точки зрения здоровья, то ваши рестораны, да и вообще система питания твоего времени в целом, – это не ваше преимущество, а ваша беда. Мне не нужно тебе объяснять, что когда мы едим – мы буквально кормим бактерии внутри себя. Для нас пища заканчивается, как только она прошла через наши вкусовые рецепторы во рту. А дальше начинается именно то, для чего она, собственно, и нужна, но мы в этом уже не участвуем и не получаем удовольствия от ее переваривания и оттого не придаем этому значения, а зря. Главные получатели нашей еды – никак не наши вкусо-

вые рецепторы, а желудок, кишечник и бактерии. В организме человека около 10% веса — различные бактерии. А это хороших до 7—10 килограммов бактерий на организм, а у кого-то и больше. Это очень много. И главное в еде, чтобы пища подходила им, а не нам. Кроме того, для переваривания каждого вида еды в организме вырабатываются определенные ферменты. Что это значит практически? Что чем однообразнее еда, тем она здоровее. Чем ближе еда к природной, тем она полезнее.

– Да, это все мы тоже знаем. Но все же иногда так хочется съесть какую-нибудь гадость, жирную или копченую!

– Вот, Теодор, сейчас ты попал прямо в болевую точку. В этом главная опасность всех удовольствий. Мы привыкли рассматривать еду исключительно с точки зрения получения от нее удовольствия – вкусового или ароматического, но не с точки зрения пользы этой еды для нашего организма. Мудрые люди говорят нам о том, что всякое удовольствие – это грех. Но они не объясняют, почему именно. А суть и смысл этого в том, что не само по себе удовольствие представляет проблему, а его последствия. И вот всю жизнь человеку приходится выбирать между тем, что ему хочется и нравится, и тем, что для него полезно и правильно. Съел, к примеру, человек хлеба, мяса, и сыра – того, что вы называете «чизбургер», – и все, он получил удовольствие, а его организм после этого в сильном стрессе решает проблемы, созданные полученным удовольствием. В этом примере для переработки сыра организм вырабатывает одни ферменты, а для переработки мяса – другие, на переработку хлеба – третьи, и они взаимоисключающие. То есть человек съел хлеб – он успешно переработался. Съел сыр – все так же успешно, без проблем переварилось. А съел все это с мясом – и все. Ферменты друг друга нейтрализуют, и вот еда пошла дальше по кишечнику гнить, принося человеку больше вреда, гниения, чувства полного желудка, чем пользы. По отдельности каждый из этих продуктов полезен, но вместе они представляют для организма больше проблему, что в результате выливается в откладываемый жир, болезни кишечника в будущем и так далее. Почему главное правило кашрута в иудаизме – ни в коем случае не смешивать молочное с мясным? Это основано исключительно на физиологии. Почему одно из главных регулярных событий в христианстве – посты? Это также, в том числе, имеет важное физиологическое значение для восстановления функциональности и очищения пищеварительной системы после ваших гастрономических удовольствий. Христианские посты построены именно с учетом знания и понимания функционирования этой системы. Поэтому, разнообразие в еде – это для удовольствия, а однообразие – для здоровья. Вот и выбирай.

Тео поморщился – он представил сейчас, в своем воображении, вид пережеванной смеси мяса, молока и французского багета. Он представил, как от этой смеси отказались все бактерии, а ферменты дерутся между собой, не обращая внимания на проходящую мимо смесь. И в итоге смесь, оставшись непереваренной, одиноко и грустно уползла дальше по темному кишечнику. Бр-р-р... Жуткое зрелище. Уж лучше поесть овощей с сыром и лепешками. Хоть и не так вкусно, зато гораздо веселее будет и бактериям, и организму. Тео остановился и сильно удивился собственным мыслям – с каких пор он ругает за здоровый образ жизни, даже если он логически объяснен? Ведь еще каких-то пару недель назад он считал все это бредом неудачников, а «удачники» должны вкусно питаться в ресторанах, так, чтобы потом было жалко идти в туалет! Да, дела...

«Неужели, так выглядит старение – когда люди перестают говорить об удовольствиях и начинают нудные разговоры о здоровье и о пользе организму? Ну вот, теперь у них новый член клуба – я», – подумал Тео, так до конца и не разобравшись – это грустно или весело, или и то и другое? Хотя ведь все, что он сейчас услышал, выглядит вполне просто и логично. Так что, наверное, стоит к этому прислушаться.

Глава 8. Победить Дракона. Своего

*Алиса очень любила воображать, что в ней одновременно живут
два разных человека.
Льюис Кэрролл*

Обед закончился, и Пифагор аккуратно сложил оставшуюся еду обратно в котомку. Солнце уже давно перевалило за зенит, и Тео решил, что сейчас должно быть в районе двух часов дня или около того. Пифагор кивнул Тео и махнул рукой, показывая жестом, что им пора идти. Тео недоуменно поднял брови, демонстрируя всем видом, что «после вкусного обеда нужно отдохнуть!», но отдых в этом месте, похоже, был не в почете.

– Скажи мне, о странный юноша, ты спать на чем собираешься? На этом жалком подобии спального мешка из листьев и веток или же все-таки купим тебе нормальное спальное место с нормальной постелью, о которой ты не так давно вспоминал с такой тоской?

Тео немного съезжился. Сейчас Пифагор ему недвусмысленно сообщил, что он уже пообщался с Пифией, и ему известны детали их разговора. Но никаких выводов он пока не сказал. Тео не знал, что это для него значит – хорошо или плохо, но все же решил проявить терпение. Когда наступит время, Пифагор наверняка сам скажет все, что ему нужно знать. И Тео быстро направился к выходу.

– Как же быстро я вчера сюда дошел! А ведь боялся, что не дойду и за целый день! А сегодня вот скачу по этим камням, как будто вчера и не было такого долгого перехода. Замечательный все-таки апгрейд у моей тушки, а? – весело сказал сам себе молодой человек.

Бобы никак нельзя!

Они шли в селение Ормос – тот, что в полутора-двух часах ходьбы от пещеры. Наши путники уже прошли ближайшее к ним селение, Кампос, и продолжали свой путь вдоль берега. Извилистая дорога шла вдоль пышного зеленого луга. Видимо, пока не пришло время сильной знойной жары, этот луг еще был окрашен в сочные зеленые цвета, и пышная зелень спокойно шумела, без каких-либо признаков сильного волнения. Вокруг них летало и кружило множество бабочек и других разнообразных жужжащих и летающих насекомых. Все вокруг цвело, и, вероятно, именно сейчас у насекомых был горячий трудовой сезон, чем-то похожий на горячий сезон у тружеников туризма во времена Тео. На этом сочном зеленом лугу спокойно стоял одинокий грустный бык, который флегматично вилял хвостом и отгонял от себя назойливых мух. А неподалеку от него, под тенистым деревом, мирно спал паренек, видимо, пастух этого быка.

– Это очень плохо и недопустимо! – сказал вдруг Пифагор повышенным и возмущенным тоном. Тео был в полном недоумении. Что именно плохо? И почему это недопустимо?

– Что недопустимо? – спросил он в замешательстве. – Я не так иду? Или не то думаю? Или вы о том, что пастух спит посреди рабочего дня и недобросовестно исполняет свои обязанности? Или то, что мы с вами идем в самую адскую жару и не жалеем свое хрупкое здоровье?

Пифагор грозно посмотрел на Тео, выдержал многозначительную паузу, и сказал:

– Ну, раз других версий нет, то теперь можно и меня послушать. Перед нами бобовое поле. Ни человек, ни животное не должны касаться бобов! А тем более, их есть. Это очень важно, и нельзя этого допускать!

– Но пастух ведь не ест бобы! Он спит! – начал было возражать Тео, но Учитель его уже не слушал – он быстрым шагом направился к пастуху.

– Здравствуйте, уважаемый! Я приношу вам свои извинения за то, что нарушаю ваш покой и сон, но как вы можете спокойно тут спать и не обращаете внимания на это вопиющее безобразие? – с укором обратился к пастуху Пифагор. По-видимому, пастух был не из местных жителей, а приезжий – он не знал Пифагора и понятия не имел, с кем он сейчас говорил. Совсем молодой паренек, лет шестнадцати, с густыми черными волосами, в полном удивлении открыл глаза и, без капли испуга, безразлично ответил:

– И вам доброго здоровья. Я очень внимательно обращаю свое внимание на это вопиющее безобразие! А на какое именно?

На лице Тео появилась улыбка – несмотря на то, что парень был простым пастухом, чувства юмора и уверенности в себе ему было не занимать.

– Простите, любезнейший, но ваш бык пасется на бобовом поле и ест эти бобы! Это же совершенно недопустимо! – более спокойно и с уважением сказал Пифагор.

Лицо паренка вытянулось от удивления.

– А это разве ваши бобы? – спросил он.

– Нет, не мои. Но дело не в том, чье это поле и чьи это бобы, а в том, что в принципе вообще недопустимо, чтобы человек или животное касались бобов, уже не говоря о том, чтобы их ели!

Паренек впал в полный транс и не мог понять, как это воспринимать: либо этот чудаковатый путник решил его разыграть, либо это бродячий сумасшедший. Не хочет же он и впрямь сказать, что пастух должен дрессировать быка есть траву только определенного вида!?

Пастух подумал, как бы не ударить лицом в грязь, и решил ответить этому путнику так, что если это розыгрыш, его ответ поставил бы путника в тупик.

– Вы понимаете, этот бык меня совсем не слушает, – с абсолютно серьезным лицом ответил паренек. – Вы не могли бы ему сами это сказать? Вас-то он наверняка послушает!

Парень был явно доволен своей импровизацией и уверен, что достойно поставил своего собеседника на место.

– А вы будете не против, если я с ним сам поговорю? – невозмутимо и без тени сарказма спросил Пифагор в ответ.

– Да что вы! Буду очень рад и признателен! – ответил парень и сделал как можно более невозмутимое лицо. Ему все еще казалось, что чудаковатый путник так развлекается.

Тео стоял с вытаращенными глазами и наблюдал за всем этим фарсом. Он не знал, что думать, как это понимать и как объяснить, он и сам-то оторопел и не понимал, что перед ним сейчас происходит – позор или таинство. Паренек посмотрел на Тео, и тот просто сделал удивленное лицо, улыбнулся и развел руками, всем видом показывая: сам не понимает, что здесь происходит. Пифагор с удовлетворением на лице бравым шагом направился к быку. Он остановился у его головы и серьезно начал что-то шептать быку на ухо и гладить того по голове. Не прошло и пары минут, как бык мотнул головой, прекратил есть бобы с этого поля и медленно вообще вышел из зарослей бобов. Тео и пастух стояли и смотрели на это чудо, как замороженные. Тео пытался понять, в чем фокус, но ничего рационального не приходило в голову. Пифагор убедился, что бык остановился в сторонке и обратно к бобам уже не возвращался, и после этого довольным голосом крикнул своему спутнику:

– Ну ты идешь, или будешь продолжать спать стоя?

Тео мигом попрощался с пастухом, они выразили друг другу взглядом и жестами недоумение и восторг одновременно, после чего путники продолжили свой путь. Нужно сказать, что впоследствии этот бык никогда больше не касался бобов, и в народе его от этого прозвали Пифагорейским быком.

Путники шли молча несколько минут, после чего Тео не выдержал и выпалил:

– Вы же не хотите сказать, что сейчас реально говорили с быком?

– Я отвечу на твой вопрос буквально: не хочу ли я сейчас сказать, что говорил с быком? Не хочу. Но говорил ли я сейчас с быком? Да, говорил. И он услышал и принял мои аргументы. Пообещал, что больше никогда не будет касаться бобов.

– А если серьезно? – спросил Тео. По его тону и выражению лица было видно, что он сейчас уверен: Учитель его разыгрывает.

– А это серьезно, Тео. Серьезнее не бывает, – ответил Пифагор совершенно серьезным и спокойным голосом, без тени сарказма или насмешки.

– И можно вас попросить это объяснить?

– Вот! Люблю, когда начинаются правильные вопросы! Попросить – можно. Я даже постараюсь тебе это объяснить, но не уверен, что ты поймешь. Итак, во-первых, большинство животных гораздо умнее, чем люди себе представляют, – мы с тобой уже беседовали на эту тему. Логично предположить, что если что-то разумно, то такому разуму должно быть возможно доносить определенные мысли – более сложные и информационно наполненные или менее, не важно. Конечно, ты не можешь объяснить коту, как рассчитать площадь круга, или научить кролика таблице умножения – у них совершенно другой склад мышления, который создан и функционирует для поддержания того, что им нужно для их образа жизни, – еда, погода, самосохранение и другие базовые вещи. Ведь, в компьютере каждая программа умеет делать только то, для чего она существует. У программ есть все необходимое для выполнения только своей задачи, и ничего лишнего, и тебе это хорошо известно, не так ли? – Тео одобрительно и беззвучно кивнул. – Ну вот. У человека для общения есть речь. В отличие от людей, у животных совершенно другой принцип общения, и человек не может просто научиться лаять или мяукать нужные слова – это так не работает. Но тут есть одна тонкость. Вот скажи, почему ты можешь написать программы на разных языках программирования, но когда запускаешь эти программы на компьютере – они одинаково работают, несмотря на то, что написаны на совершенно разных и не похожих друг на друга языках программирования?

– Ну это просто. Язык программирования – это просто способ ввода и передачи компьютеру набора команд и данных, необходимых этим командам. Когда любая программа запускается, она переводится на единый компьютерный язык – набор внутренних компьютерных команд низкого уровня, понятных системе. И система воспринимает только такие команды и не знает вообще о существовании разных компьютерных языков, как не знает, каким образом эти полученные команды и данные вообще попали в компьютер.

– Отлично. Воистину, человек сотворил компьютер по образу и подобию своему, даже не зная об этом. Так вот, любой человеческий язык общения – это также форма ввода и передачи информации. Когда ты слышишь информацию – она всегда переводится из первичного языка слов в конечный смысл, который ты в итоге и понимаешь своим сознанием, но уже на универсальном смысловом языке, а не на примитивном языке слов. Почему человек часто говорит, что «это не описать словами!»? Потому что это правда. Слова могут описывать очень ограниченные части всего того, что способно понимать и впитывать твое сознание. И любая информация, эмоции, впечатления и так далее поступают в твое сознание на таком же универсальном языке. Этот язык мыслеформ универсален для всех мыслящих существ, включая животных. Музыка и живопись, к примеру, – это прямой язык эмоций, минуя слова. И мы его воспринимаем сознанием сразу, без слов. Этим языком можно передать то, что можно и нельзя описать словами. И высшие животные также могут воспринимать музыку. В твоё время были попытки проведения небольших концертов классической музыки для собак – их реакция оказалась просто потрясающая.

Ты задумывался, почему иногда словами нельзя описать эмоции так, как они описаны музыкой? А это потому, что музыка является более подходящим языком для передачи эмоций и настроений, чем слова. И музыка переводится напрямую в универсальный язык мыслеформ, минуя слова. Если человек приучен понимать музыку, то, прослушав значительное музыкаль-

ное произведение, получает впечатление как от сильнейшего фильма или книги с историей, эмоциями и смыслами. Та же самая история и с живописью. Если художник смог передать в картине желаемые эмоции, впечатления и смыслы, то те, кто будет смотреть на эту картину, станет так же напрямую воспринимать эти эмоции, впечатления и смыслы, минуя слова. Какой мы делаем из этого вывод? Правильно. Человеческий язык – не единственная форма общения и передачи информации. И в некоторых случаях не самая эффективная. И вот еще один интересный вопрос: а ты не задумывался, почему ни одна религия не рассказывает своим адептам, на каком языке с верующими этой церкви будут общаться Бог и его высшие существа после смерти? Никому ведь в церкви не говорят: «Учите греческий! Ибо на немецком или корейском с вами на том свете никто разговаривать не будет!» Никто ведь такого не говорит, верно?

Тайские или тибетские буддисты верят, что встретятся с Буддой, но при этом не спешат учить хинди. А, к примеру, американцы или японцы-христиане верят в свое спасение в христианстве, но не подумывают учить древне-арамейский, латынь или даже греческий (а как ты помнишь, на вопрос Понтия Пилата, на каком языке он говорит, Иисус отвечал: «Я говорю по-гречески»). А почему? Потому что в тонком мире нет разных языков, вся передача информации происходит наиболее эффективным способом – посредством готовых мыслеформ. И это работает одинаково и для людей, и для животных. Поэтому если я скажу этому быку что-нибудь по-гречески, то это будет так же бесполезно, как и просить о чем-то ночной горшок. Но если быку направленно передать мыслеформу, то он всегда тебя точно поймет, потому что тогда вы с ним общаетесь уже на одном языке. Явление телепатии – это и есть способность человека улавливать и передавать готовые мыслеформы. И если у тебя есть способность эти мыслеформы генерировать и целенаправленно посылать собеседнику, то ты сможешь мысленно общаться с любым человеком на любом расстоянии, а также и с любым разумным животным.

Тео слушал Учителя с вытаращенными глазами. Нет, объяснение с компьютером было вполне понятным и наглядным. Но это теоретически. А вот предположить, что такое возможно и практически реально – это для Тео пока слишком. Он психологически не был готов в это поверить.

– Интересно, лучше будет моему коту узнать и понять все, что я о нем говорю и думаю, когда он нагадит мне в ботинок? Или пусть живет в неведении? – рассмеялся Тео сам себе.

Мужчины уже зашли в Ормос. Тео с интересом рассматривал небольшие домики, расставленные вдоль улицы в один ряд, а не в два, как он привык видеть. Сама улица спиралью спускалась к морю и дальше уже располагалась вдоль берега уютной бухты. Ему показалось, что этот небольшой, но уютный поселок обладал даже какой-то своей атмосферой. В некоторых дворах люди возились и что-то делали по хозяйству. В каких-то дворах жителей не было видно – либо они где-то на работе, либо отдыхали в доме. Те люди, которых Тео видел во дворах, чем-то напоминали ему жителей других поселений на Самосе – спокойные, но очень дружелюбные и доброжелательные. Все дома были одноэтажными. В основном, сложены из камня и глины, но у некоторых фасад был выложен колоннами из камня. Крыши домов были покатыми и в основном покрыты мелкими перевязанными снопами соломы – так же, как и в Кампосе. Но у некоторых домов крыша была покрыта чем-то похожим на глиняную черепицу. Видимо, в этой деревне проживали люди с хорошим достатком и могли себе это позволить. Тео заметил, что некоторые дома, явно принадлежащие этим самым людям с хорошим достатком, построены открытым прямоугольником, так что внутри дома был открытый внутренний дворик, который видно сквозь небольшие окна. Сам поселок выглядел очень небольшим, и, наверное, магазин со «спальным антиквариатом», как его прозвал Тео в уме, был уже рядом.

Победить своего Дракона

Теплый, но не жаркий весенний день был безукоризненно хорош, и казалось, что сейчас лучшее время спокойно идти и наслаждаться, но Тео было не до наслаждений, даже если предмет наслаждений – прекрасный теплый день у моря и вдали от асфальта и интернета. Рассказ учителя о тонком мире, о науке и искусстве поднимал сейчас у Тео одну мысль за другой, и весь этот мысленный вихрь вел только в одном направлении – обратно. Тоска вдруг овладела им сейчас с непреодолимой силой, и ему немедленно захотелось попасть домой. Тео попытался успокоить эмоции и конструктивно подумать, что ему для этого нужно. Главный вывод, который он сейчас сделал, – необходимо во что бы то ни стало разобраться в своей ситуации, и тогда он сможет понять, как из нее выбраться. Он пока не мог разобраться и понять, как именно он в это вляпался, но ему позарез требовалось разобраться и понять, как из этого всего выходить. А первым пунктом в плане, озвученном Пифией, значилось: «Победить своего Дракона». И, значит, – это первое, с чем предстоит разобраться. Все остальное – только после этого.

– Простите, меня очень интересует один вопрос: а что имела в виду Пифия, когда сказала, что мне нужно победить своего Дракона? Мы же разумные и образованные люди и прекрасно понимаем, что драконов не существует. Вероятно, она имела в виду что-то метафорическое, или она хочет, чтобы я играл в Дон Кихота и представлял ветряные мельницы драконами? Или у вас еще нет ветряных мельниц?

– Тео, прежде всего тебе нужно научиться уважать то, что говорят старшие и более знающие люди. Ты, уже зная свою ситуацию и понимая свое место в ней, до сих пор себя ведешь как надменный самовлюбленный подросток, который видит себя всезнающим рядом с глупыми аборигенами. Реальность, Тео, ровно противоположна. Пока что ты сам – невежественный, ничего не понимающий подросток, просящий его чему-то научить. Тебе нужно сменить свой тон общения и свое отношение к окружающим. Если ты заметил, все окружающие общаются с тобой с должным уважением, независимо от того, заслуживаешь ты этого или еще нет.

Теперь, по существу. Победить Дракона – это важный вопрос. История такая. Как ты знаешь из мифа, тот храм Аполлона, где живет Пифия, был построен в Дельфах в честь победы Аполлона над змеем (драконом) Пифоном. Аполлон убил Змея (или Дракона), который хотел убить его и его мать. Это миф. В твоём будущем, в христианстве есть подобный миф о Георгии Победоносце, который также убил Змея. Еще есть миф про Адама и Еву и о Змее искусителе. Есть и много других похожих мифических историй с этим же самым сюжетом. Все они говорят об одном и том же – о собственном очищении от зла и внутренних соблазнов. Дракон и Змей – символ внутренней темной стороны человека. У каждого из нас внутри есть две огромные силы – одна светлая, которая создает соответствующие мысли и помыслы и побуждает человека к добру и хорошим поступкам. Другая – темная, которая так же создает свои побуждающие мысли и направляет человека на злые слова и на постыдные и мерзкие действия. Победить Дракона в себе – это удалить и вычистить в себе все темное и грязное. Мифы и легенды о победе над Драконом или Змеем – метафоры именно об этом. Поверь, эта задача не из легких. Люди веками ищут врагов снаружи, ища, с кем можно сражаться и кого можно убить, чтобы лучше жилось. И это было бы гораздо легче – вон, живет человек, он твой враг, и его нужно убить, тогда тебе станет хорошо жить и будет тебе счастье. Все просто и понятно. Но куда тяжелее воевать с самим собой, со своими грязными мыслями, дурными привычками. А ведь, на самом деле, именно из-за этого человеку станет жить лучше, и будет ему счастье. Именно поэтому победить в себе Дракона – это настоящий подвиг, и те, кто его совершил, становятся примером для остальных людей, и о них складывают легенды и мифы. И чем больше бы люди воевали со своими Драконами, со своими настоящими врагами внутри себя, тем меньше они бы находили врагов снаружи. Когда перед человеком встает вопрос этического выбора: поступить правильно и честно или нечестно и выгодно, – то у такого начинается борьба с внутренним Змеем, и каждый такой выбор и поступок зависят от того, кто в данный момент победил – человек или его злой Змей.

– То есть вы хотите сказать, будто все, что делает человек для своей выгоды, всегда не честно?

– Нет, Тео, это абсолютно не так. Ты еще не раз от меня услышишь, что все должно быть разумно, и следует знать меру. Плохо ли заниматься своим делом и наживать состояние? Вовсе нет! Плохо ли, когда человек зарабатывает деньги и становится богатым? Нет, это правильно и замечательно. Но только при одном условии – если человек не причиняет вреда и ущерба другим. *В зарабатывании денег и ведении своих торговых дел человек должен уподобляться спортсменам по прыжкам в высоту – честно соревноваться с другими, но при этом не принося другим никакого вреда или ущерба.* И если человек действует таким образом, то все его дело и нажитое состояние достойны только похвалы.

Итак, вернемся к битве с Драконом. Мотивация человека поступать правильно, хорошо и справедливо должна быть не в том, что его кто-то накажет за плохое или наградит за хорошее. «Веди себя хорошо, и попадешь в рай, а если будешь вести себя плохо – попадешь в ад», – это неверный мотиватор. Нормальный человек не мусорит дома, чтобы его дом был чистым, а не из-за того, что он может получить какое-то наказание или поощрение. Хороший человек добр к своим близким, оберегает их и помогает им, чем может, – потому что любит своих близких и желает им добра, а не из боязни какого-то наказания. Поэтому человек должен стремиться вести себя в жизни по справедливости не потому, что иначе его после смерти изощренно и безжалостно накажут, или наоборот – выдадут медальку и почетную грамоту, а именно потому, что он так считает правильным, и если он будет так поступать, то и мир вокруг станет чуточку лучше, а он сам будет находиться в гармонии и с миром, и с самим собой. Каким бы богатым ни был человек, трудно смотреть на себя в зеркало и жить с мыслью, что ты – подлец и мерзавец. Весь фокус лишь в том, как человек выставляет для себя приоритеты. Если приоритет его желаний и личной выгоды превышает всего остального – никакие угрозы наказаний не помогут. А если человек решает для себя, что совесть и справедливость выше личных интересов и собственных желаний, то как только он окончательно это осознает и принимает для себя такую модель поведения, в тот момент он и победит своего Дракона. И любые наказания и награды, которые ему сулят разнообразные религии и верования, уже не имеют значения, потому что с этих пор он так действует, это его осознанный выбор. Его Дракон повержен.

В буддизме окончательную победу человека над своей темной стороной называют «просветлением», «достижением сознания Боддхи», в христианстве – «спасением в Раю», но символом достижения этого в разные времена почему-то считалась именно победа над Змеем. Ты должен знать еще кое-что, очень важное: люди Света – это те, кто победил в себе всю темную сторону. Человек становится сторонником Света не тогда, когда не сделал в жизни ничего плохого, а тогда, когда он соприкасался со Злом и победил его в себе. Если человек не украл чужой кошелек оттого, что он его ни разу не нашел, – это еще не делает этого человека хорошим. Он пока не прошел испытание соблазнами, не встретился со своим Драконом, и еще не известно, как он поступит при встрече с ним. Именно поэтому в народе говорят, что «Добро всегда побеждает Зло». Это потому, что настоящее Добро – это только те, кто Зло уже победил, а иные – лишь кандидаты. И люди Света всегда сильнее людей Зла, ибо они уже победили его в себе – победили те слабости, которые других еще держат в капкане. Возможно, это звучит слишком просто и банально, но на самом деле совсем не просто. Люди это сильно недооценивают. И очень зря. Есть те, кто совершает в жизни много зла из-за того, что личная выгода является наивысшим приоритетом. Таким сильно не хватает мудрости. Есть и такие, которые понимают, как поступать правильно, их совесть подсказывает, как нужно жить, но у них недостаточно силы духа противостоять своим соблазнам, не хватает внутренней силы воли. В твою эпоху, Тео, есть замечательный фантастический фильм – «Звездные войны». Его смотрело большинство твоих современников по всему миру. Так вот, когда в одной из ранних частей этого фильма Мастер Йода решил взять на обучение молодого Люка – прежде всего, Люку

нужно было сразиться со своей темной стороной и победить ее. Без этого нельзя было начать его обучение. И это абсолютная правда. Ты тоже не сможешь начать свое обучение, не сможешь встретиться со своим истинным Учителем и вернуться домой, Тео, пока ты не победишь своего Дракона.

«Кто-нибудь, ущипните меня быстро! Я в Древней Греции, и Пифагор 2500 лет назад рассказывает мне о „Звездных войнах“! Может ли быть что-нибудь бредовее? А может быть, так выглядит шизофрения? Или белая горячка от вчерашнего алкоголя?» – мысли неслись бурным потоком в голове Тео.

– Так теперь вы для меня типа Мастера Йоды, а я типа Люка Скайвокера? – Тео залился громким смехом.

– Нет, я все же никогда не смогу понять – как же так можно? Вместо того чтобы серьезно обдумывать и сосредотачиваться на таких серьезных вещах, о которых я тебе сейчас рассказываю, – цепляться за незначительные метафоры и нелепыми шутками полностью уводить фокус в другую сторону, просто уничтожать построенную атмосферу беседы. Это же так глупо! Тебе же уже столько раз сказано, что в любой шутке самое главное – уместность.

Тео потупил глаза. Да, иногда (или даже чуть чаще, чем иногда) проявляющийся его инфантилизм – это проблема, с которой нужно что-то делать.

Чего изволите?

Пока Тео обдумывал услышанное, почесывая затылок, они подошли к небольшой лавке, у входа в которую были выставлены различные «спальные принадлежности», если их можно было так назвать. Пифагор жестом поманил Тео за собой и зашел в лавку. На полу стояли кровати на любой вкус. Изготовлены они были из дерева. Некоторые имели красивые резные спинки, иные были максимально просты. Какие-то кровати были покрашены, а другие просто из сырого дерева, покрытого какой-то прозрачной смолой, вероятно, чем-то похожей на древнюю версию олифы. Вдоль стен стояли многочисленные полки со спальными принадлежностями – покрывала, подушки, наволочки, одеяла. Тео был удивлен увидеть на прилавках довольно приятного вида простыни и наволочки. Подушки были набиты чем-то мягким – вероятно, перьями домашней птицы.

– Ну что, избалованный юноша, и у нас есть «приятная мягкая постель», а? Что скажешь?

Тео в ответ лишь улыбнулся. Пифагор учтиво поприветствовал хозяина лавки и сразу, не задумываясь, указал на гибкий топчан – обычный жесткий матрас, который можно было бы утром свернуть в рулон, а вечером снова расстелить. Также выбрали одно одеяло и подушку и два комплекта наволочек с простынями, самой простой расцветки. Когда эти два незатейливых покупателя вышли на улицу, Тео тут же выпалил с обидой:

– А меня спрашивать было необязательно? Мне права голоса вообще тут не давали, да?

– Молодой человек, мне часто кажется, что к твоему возрасту случайно добавили ноль, и на самом деле тебе не 40, а 4 года. Ну разве нужно объяснять взрослому человеку, что, во-первых, ты тут ненадолго, по многим причинам. А поэтому покупать дорогие вещи тебе не стоит. Во-вторых, ты понятия не имеешь, что тут принято, а что нет, и на что тебе можно смотреть и что спрашивать, не привлекая ненужного внимания местных жителей. В-третьих, я живу в пещере уже давно, а ты еще нет, и мне виднее, что более практично и подходит для твоего случая, а что не очень.

Тео было невероятно стыдно – все, что говорил ему сейчас учитель, было абсолютно логично и правильно, а он об этом даже не подумал, и все, что ему приходило в голову, – это только удовлетворение своего эго. Стыдно! На улице, возле лавки, стояла небольшая повозка, запряженная ослом. Размер и устройство этой повозки не оставляли сомнений в том, что она специально сделана для перевозки спальной мебели. Помощники хозяина лавки вынесли

из магазина выбранный топчан, положили рядом купленные постельные принадлежности и аккуратно все сложили в повозку. После этого они поблагодарили Пифагора за покупки и спокойно вернулись в лавку. К удивлению Тео, им не пришлось объяснять извозчику, куда это все везти. Было такое ощущение, что абсолютно каждый житель Самоса знает, где именно живет Пифагор и как туда добраться. Наверное, именно так и было. Телега тронулась и медленно покатила в нужном направлении. Пифагор с Тео не спеша последовали за ней. Примерно через пару часов телега доехала до подножия горы и остановилась. Пифагор с Тео аккуратно сняли все купленное имущество и положили на землю. Пифагор расплатился с извозчиком, и тот уехал обратно.

– Какой послушный, однако, осел! – удивленно сказал Тео вслед телеге, которая уже почти скрылась из виду.

– А он в доле, на партнерских началах с извозчиком, – пошутил в ответ Пифагор.

Тео рассмеялся, но затем снова посмотрел на топчан, подушки, одеяло, перевел взгляд на пещеру, и ему стало не до смеха. Но не успел он начать снова ныть о том, как ему будет тяжело нести все это на гору, как на его глазах произошло нечто необъяснимое. Пифагор сосредоточился и что-то тихо сказал, затем воздух впереди него стал каким-то непрозрачным, скорее похожим на плотный туман или на легкое облако, но посреди абсолютно ясного дня и прямо перед ним. Пифагор обхватил двумя руками все покупки, поднял их, шагнул в этот туман и... исчез.

Тео стоял один, с широко открытыми глазами, приоткрывшимся ртом и отказывался принимать и понимать то, что он сейчас видел. Спустя пару минут из этого тумана снова показалась знакомая фигура, но уже без спальника, и туман пропал.

Звездные врата

– Вы реально сделали чудесный портал для телепортации и сейчас телепортировались в пещеру и обратно? И с вами ничего не произошло? Ущипните меня и скажите, что это не сон и не бред! – Тео был сильно удивлен и даже взволнован.

Пифагор исполнил просьбу Тео – слегка ущипнул и сказал спокойно:

– Это не сон и не бред.

Тео стоял молча и смотрел на Учителя. После короткой паузы он все же победил свой ступор и спросил:

– Вы же мне говорили, что чудес не бывает! Но если это не чудо, то что?

Пифагор обреченно покачал головой.

– Тео, я тебе снова и снова напоминаю выражение нашего замечательного Эйнштейна: «Чудеса не противоречат законам природы – они противоречат нашим представлениям о них». Я тебе снова говорю и утверждаю, что чудес, в твоём понимании, не существует. Если жителю сегодняшнего Самоса показать кнопку лифта, которая при нажатии загорается светом без огня, а потом в стене отодвигается дверь, и ты оказываешься на другой высоте, – для такого человека увиденное – это шок и абсолютное чудо. Хотя для тебя – обычная конструкция, основанная на законах и свойствах природы, которые люди откроют спустя две с половиной тысячи лет.

Тео, теперь уже я тебя призываю – встречая любое непонятное явление, не будь темным средневековым крестьянином, видящим во всем чудеса. Ты, как образованный человек, должен ко всему увиденному относиться рационально и пытаться все объяснить рационально.

– Учитель, но как я могу относиться рационально к portalу в пространстве, через который живой человек с кроватью только что дважды сделал телепортацию!? И не так, как в кино – с болями, муками и световыми кругами и молниями, – а просто и незатейливо, как вышел из одной комнаты в другую! Вполне возможно, что скорость вашего перемещения вообще превысила скорость света, что совершенно невозможно, как доказал ваш же любимый Эйнштейн!

– Да ты никак не уймешься? – улыбаясь возразил Пифагор. – Нет тут никакого чуда. Представь себе, что у тебя на листе бумаги есть 2 точки на некотором расстоянии друг от друга. И логично, что время добраться из одной точки в другую – это расстояние между ними, поделенное на скорость движения. Это первое, что учат на уроках физики в средней школе.

– Да, это знает каждый школьник. И как нам это помогает объяснить волшебный портал? – нетерпеливо фыркнул Тео.

– А теперь, если взять и согнуть лист бумаги так, чтобы эти 2 точки совпали, – ты можешь переместиться из одной прямо в другую. И никто не превышал никакой скорости света, потому что линейное расстояние между точками вообще было почти нулевым. Все, что нужно было сделать, – это искривить пространство. И человеческое сознание вполне в состоянии это делать. Нужны только определенные способности и навыки – это очень сложно, но возможно, как ты уже сам успел убедиться.

Тео стоял в полном замешательстве. Он отказывался верить в то, что слышал, но тогда нужно было и отказаться от того, что он видел. А это уже труднее. Он, конечно, читал некоторые статьи математиков, объяснявшие, как может практически выглядеть перемещение в четвертом измерении с точки зрения нашего трехмерного сознания, и там как раз объяснения и были построены на геометрии искривления пространства, и пространственные «червоточины» объяснялись именно такими искривлениями. Но вот допустить, что это может быть так реально, да еще и прямо перед тобой, без всякой магии, с молниями и свето-представлением, только усилием мысли и воли, – пока это выглядело слишком невероятным, и разум Тео отказывался принимать увиденное.

«У нас передовая наука! У нас всезнающие и мудрые ученые! Мы летали в космос! И вот кто вы теперь, после этого, наши дорогие ученые, а?» – язвительно беседовал Тео в уме с воображаемыми мудрыми учеными своего времени.

Глава 9. Будущее не так страшно, как его рисуют

*Все чудесатее и чудесатее! Все любопытственнее
и любопытственнее! Все страннее и страннее!*
Льюис Кэрролл

Алкей знал, что перед обедом приходят врачи, которые его осматривают и расспрашивают о самочувствии. Они только что приходили, а значит, сейчас будет обед. Он многое уже успел изучить об этом дивном новом мире. Недавно Алкей понял, что больше всего на свете боится вдруг снова оказаться где-то не здесь, а там, где жил раньше. Тут все напоминало ему рассказы о Богах и о горе Олимп, где те Боги живут. Там они проводят время в роскоши, едят и пьют нектар и амброзию! И оказаться там, у них, – это верх любых мечтаний и желаний любого человека. А чем тут хуже? Чем, к примеру, местная еда отличается от амброзии? Алкей, конечно, не знал, какая на вид и вкус амброзия, но был уверен, что она ничуть не лучше этой еды, которую, совершенно бесплатно, ему дают в этом дивном мире. Там, где он жил раньше, не было ни таких вкусов, ни такого разнообразия ингредиентов и блюд. Поэтому то, что он ел в афинской центральной больнице, в его понимании и было самой настоящей амброзией Богов.

В общении с представителями этого мира Алкей выбрал самую простую и действенную тактику – он всем сказал, что ничего не помнит. Совершенно ничего. Даже как его зовут. Врачи сказали, что это амнезия, и, возможно, она сама скоро пройдет. Ему нужны только покой и внимание близких, и тогда есть шанс, что память начнет возвращаться совсем скоро. А на амнезию можно списать все – от незнания, как себя вести и на что нажимать в туалете, и до незнания собственного имени. Добрые люди тебе все подскажут, расскажут и научат. В туалете он видел себя в зеркале, и его внешний вид наводил на него отчаяние и тоску. Там Алкей выглядел совершенно не таким, каким он себя помнил. Сейчас на него из зеркала смотрела жирная тушка с заплывшим лицом и поседевшей, полысевшей макушкой. Визуальный возраст этой тушки только добавлял Алкею пессимизма. Единственное логичное объяснение тому, что происходило, и тому, что он видел, – он умер и переродился в другого человека. Почему он переродился не в новорожденного ребенка, а в эту перезрелую пухлую тушку, он не знал. Но решил на этом не заморачиваться – тушка, значит, тушка. Наверное, Боги так решили, и, значит, это правильно. Но все то, что он видел вокруг себя, ему очень нравилось, и оспаривать это ни в коем случае он не хотел. Старая пухлая тушка – значит, старая пухлая тушка. Ведь, дареной лошади в зубы не смотрят, и ему стоит быть благодарным за то, что он здесь. Даже в этом пожилом и пухлом теле. Ведь это несопоставимо лучше, чем все то, что он видел в своей прошлой жизни, хоть и стройным, и молодым.

Алкей видел в окно, как по улице быстро передвигаются и шумят какие-то большие ящики. Он спросил медсестру, что это такое, сказав, что никак не может это вспомнить и поэтому просит рассказать. Медсестра ему объяснила, что это такие машины для быстрого передвижения, и в них перевозят людей и грузы. А есть машины еще больше, которые летают по воздуху, и в них тоже летают люди. Алкей все это слушал с широко открытыми глазами. Вот оно – величие Богов! И сейчас ему выпала великая честь – хоть немного к этому прикоснуться! С одной стороны, Алкей обратил внимание, что те, кто его окружал, называли себя людьми, а не богами. Но, с другой стороны, Алкей же помнил, что именно Боги умеют быстро перемещаться и летать по воздуху! К примеру, Гермес!

Тогда, если это не Боги, то можно предположить другое. Возможно, это будущее, в котором он сейчас находится, – это такой особый мир, где люди живут, как Боги, потому что Боги дали им свои чудеса! И очень странно, что его, самоубийцу, оживили в таком дивном новом мире! Ему, конечно, не дано понять, для чего это с ним сделали, но наверняка в этом есть

какой-то высший смысл. Также Алкея раздражало, что окружающие принимают его за какого-то Тео, – видимо, так раньше называлось это тело, в котором он сейчас себя видит. Сказать им, что он не Тео, а Алкей, и он переродился у них по воле Богов? Но непонятно, какие у этих людей будущего тут отношения с богами – а вдруг они враждуют? И что тогда с ним будет? А если это все-таки Боги, тогда он вообще пропал? В общем, Алкей решил пока продолжать максимально правдоподобно играть свою роль, ничем себя не выдавая, и ничего им не рассказывать. А потом посмотреть и решить, как себя вести дальше.

Вот снова пришла Елена. Она рассказала, что Тео привык называть ее Эли, и они давние друзья. Она была значительно старше того возраста Алкея, в котором он себя помнил, и еще значительно старше того возраста, женщины которого могли его интересовать. И хоть относительно его новой пухлой тушки, которую он видел в зеркале, она была просто молоденькой красавицей, Алкей никак не мог признать эту взрослую даму для себя привлекательной. Но он сейчас полностью от нее зависел, а потому должен был изо всех сил играть роль ее преданного и влюбленного в нее друга. Эли позвала Алкея на обед, и они пошли на первый этаж клиники, где располагался небольшой кафетерий. Алкей до сих пор никак не мог привыкнуть к этой страшной железной комнате, в которую нужно войти, нажать на выступающий кружок в стене, после чего он начинает волшебным образом светиться, затем железная стена сама сдвигается, комната просто слегка трясется, а потом стена снова сама раздвигается, и ты уже на нужном этаже! Чудо, да и только! Очень страшно, но очень интересно, и это производило на Тео сильное впечатление. Алкей не понимал символов, которые были начертаны на этих кружках, так как в том мире, где он жил, таких символов не было. Но он догадался, что каждый символ означал свой этаж, и зная, каким символом обозначается твой этаж, ты можешь безошибочно на него попадать. Что тут еще сказать? Чудеса от Богов! Алкей боялся этой трясущейся комнаты, но восхищался технологией и потому, не выдавая своего страха, охотно ею пользовался при каждом удобном случае. Вот и сейчас Елена и Алкей зашли в эту металлическую комнату с блестящими стенами и потолком, чтобы оказаться на первом этаже, где находится очень странная таверна, но с очень вкусной едой. В лифте стояло несколько человек с невозмутимыми лицами. У Алкея в голове мелькнула возмутительная мысль: «Интересно, а что будет, если я тут вдруг испорчу воздух? Что тогда делать? Извиниться? Или промолчать и сделать вид, что я ни при чем? Но ведь все почувствуют. А с другой стороны, откуда они узнают, что это сделал именно я? А если у них есть для этого какое-то чудо, и они меня сразу разоблачат? Тогда я скажу, что ничего не помню и не имею понятия, что нужно делать в этом случае!» – размышлял Алкей, заходя в кабину лифта.

– Нам тоже на первый, – сказала Елена невысокому молодому человеку, который стоял ближе к кнопкам. У этого молодого человека были маленькие круглые очки и смешная прическа, которая делала его похожим на барашка. «Барашек» невозмутимо кивнул головой, но ничего не сделал – как оказалось, кнопка первого этажа была уже нажата, и наверняка все туда и ехали.

Молодые люди сели за свободный столик недалеко от окна. Возле Елены стояла тарелка с традиционным греческим салатом и еще одна – с куском курицы и картофелем фри. Возле Алкея, кроме такой же тарелки с греческим салатом, стояла тарелка с мелко нарезанными кусками говядины в густом соусе с картофельным пюре. Меню кафетерия утверждало, что это «гуляш», и, наверное, это блюдо в чем-то, некоторыми местами было даже похоже на гуляш. Разумеется, для того, кто знал, что такое настоящий гуляш. Но Алкей, что такое «гуляш», конечно же, не знал, и поэтому для него это блюдо было совершенством от шеф-повара. Выражение лица Алкея было полно восхищения. Он с видимым удовольствием уплетал еду вилкой, не подозревая, что нож в руке был бы тоже кстати, – но он же ничего не помнит, и ему прощительно. Поедая обед и испытывая явное гастрономическое удовольствие, Алкей не обратил

внимание на изучающий взгляд Елены, которая не спеша, с достоинством поедала содержимое своих тарелок и не переставала украдкой смотреть на своего нового «Тео». В нем было что-то, не дававшее ей покоя. Да, конечно, можно потерять память, можно абсолютно все забыть – говорят, такое случается. Но как при этом могут полностью поменяться характер и мелкие привычки? Как могут измениться жестикация, выражение глаз, лица, взгляд? Возможно ли такое как результат амнезии? А если возможно – то он сейчас все тот же Тео или уже другая личность? Она не знала ответов на эти вопросы. Пока перед ней явно сидел человек, которого она пока не знала. А если к нему вернется память, то вернется ли и тот, кого она знает и любит? А если не вернется? Тогда придется узнавать его заново? А понравится ли ей тот новый «он»? Сможет ли она снова полюбить и принять того, кого сейчас заново узнает? На этот вопрос у нее также не было ответа. И она рассматривала и изучала этого нового-старого неизвестного, пока еще нелюбимого – бывшего или будущего любимого человека.

– Тео, у меня замечательная новость, – сказала Эли радостным голосом и постаралась, насколько могла, изобразить счастливую улыбку. – Тебя завтра выписывают, и ты сможешь поехать домой! Для возвращения памяти нет необходимости находиться в клинике. Это же так замечательно, не правда ли? Я так за тебя рада!

– И что это значит? Что мне нужно завтра делать? – растерянно проговорил молодой человек. Похоже, что услышанная новость не вызвала в нем такой же оптимизм, какой излучала Эли.

– Не переживай! Я приеду к десяти часам, оформлю все необходимые документы и заберу тебя домой.

– Хорошо, спасибо тебе большое! Не знаю, что бы без тебя делал! Я пока себя чувствую таким беспомощным! Но это все временно, ты не думай! Я быстро учусь, и я уверен, что вернусь к нормальной жизни даже быстрее, чем ко мне вернется память! Как же я счастлив, что у меня есть ты! – неуклюже поблагодарил ее подросток средних лет.

«А я как рада, не пересказать...» – удрученно подумала Елена, но тут же снова постаралась сделать радостный вид:

– Ни о чем не переживай и не беспокойся. Все будет, и все придет в свое время, – улыбаясь, сказала Эли и встала из-за стола. На мгновение ей стало даже противно свое неискреннее поведение и фальшивая улыбка, которую она постоянно старалась натянуть на лицо. Но она тут же взяла себя в руки и объяснила себе, что сейчас этому парню требуется помощь, и кроме нее, ему помочь некому. А совсем скоро к нему вернется память, и все будет снова хорошо. Может быть. Она поймала себя на мысли, что почему-то совсем в этом не уверена – ее терзают смутные сомнения по поводу того, что у них снова все будет хорошо и что все вернется, как было прежде. А когда именно это наступит? И наступит ли вообще?

Тут ей на ум пришла цитата ее любимого Паоло Коэльо: «Все всегда заканчивается хорошо. Если что-то заканчивается плохо, значит, это еще не конец». Она улыбнулась своей мысли и пошла к выходу.

Глава 10. Нас ждут великие дела

– Но теперь, когда мы наконец увидели друг друга, предлагаю тебе сделку: я поверю в тебя, если ты поверишь в меня. По рукам?
Льюис Кэрролл

– Доброе утро, Теодор Паппас! Просыпайся, мой дорогой ученик, нас ждут великие дела! – раздался торжественный голос, наполненный необычайным оптимизмом и заставивший Тео начать испуганно продира́ть глаза от сна, принимая для себя неизбежное зло – раннее утро.

Тео открыл глаза. Снаружи было еще темно, но уже видно, как светает, и в скором времени встанет солнце, и у мира будет еще один день. Пещера была наполнена утренней прохладой, и немного сыро, как это бывает ранним утром у моря. В воздухе стояла прозрачная тишина. Цикады, которые трещали во весь голос вечером накануне, видимо, утомились от своего тяжелого труда и крепко спали в ожидании очередного вечернего концерта. Не было видно ни комаров, ни мошек – идеальное время, чтобы начинать новый день. Конечно, спать на нормальном матрасе с нормальным постельным бельем, хоть и на сырой земле, – это многое меняло и было одной из тех бытовых мелочей, которые мы не замечаем в повседневной жизни, но стоит им исчезнуть, как вдруг понимаешь ту огромную важность, которую они для нас представляют.

– Мое жилище, конечно, несколько аскетично, – продолжал Пифагор торжественным голосом, – это не Ахилеос 29, не Панагия Фалиру, но все же какое ни есть жилище – все лучше, чем под открытым небом.

У Тео похолодело внизу живота, потом он почувствовал там жар, а затем снова похолодело. До него сейчас начало доходить, что, во-первых, он услышал свою фамилию и домашний адрес в Афинах, которые никому не говорил. Во-вторых, Пифагор назвал его «дорогим учеником». За ночь явно что-то произошло, вот только что именно, пока было непонятно.

– Если вы сказали, что я ваш ученик, значит, я могу теперь вас называть Учителем? – медленно и осторожно спросил он.

– Будь так любезен, – дружелюбно ответил Пифагор. – Но при этом понимай и помни, что тебе по-прежнему нужно найти и встретить твоего истинного учителя. Я же буду тебя учить до того момента, как ты его встретишь.

– А как вы узнали мою фамилию и мой домашний адрес? Паспорта у меня в кармане не было, да и адресные книги из нашего будущего у вас еще не выпустили.

Пифагор пропустил его колкий юмор мимо ушей и продолжал. Его тон был наполнен каким-то необыкновенно торжественным воодушевлением. За то время, пока Тео спал, что-то явно произошло.

– Видишь ли, дорой Теодор, случаи, когда человек после смертельной аварии вместо того, чтобы попасть в морг, попадает на 2500 лет назад, в тело другого человека, который тоже должен был попасть в морг, происходят не часто. Вчера, например, такого не было. На прошлой неделе такого тоже не случилось. Да и за всю мою предыдущую жизнь еще ни разу не случилось – на моей памяти такое вообще впервые. Я даже не представляю, а только догадываюсь, сколько ресурсов и усилий понадобилось Высшим Силам, чтобы это осуществить. А это значит, что для этого должна быть какая-то очень важная причина. Мне пришлось встретиться и пообщаться с нашей общей знакомой – Пифией. Также пришлось пообщаться с Наставниками – с Высшими Существами, или с Богами – называй, как тебе угодно. А затем пришлось поближе познакомиться с тобой и с твоей жизнью – в твоём времени, до твоей аварии.

– Что же вы успели обо мне узнать за те 6—7 часов, что я спал? – с недоумением спросил Тео.

– Я тебе уже говорил, что время – субстанция не линейная, и оно не всегда движется для всех с одинаковой скоростью и в одинаковом потоке. Но об этом мы как-нибудь поговорим отдельно.

Итак, о главном. Человечество в твоём времени – та цивилизация, которую мы знаем, Тео, – в большой беде и в большой опасности. Нам грозит уничтожение, и тебе, возможно, предстоит помочь его спасти, – сказал Пифагор, по-прежнему улыбаясь, и теперь безмолвно смотрел на Тео в ожидании его реакции.

– Ну, «возможно помочь спасти» – это намного лучше, чем спасать самому! На Брюса Виллиса я точно не тяну! – колкостью отреагировал Тео. Но Пифагор пропустил и это мимо ушей и никак не отреагировал на колкость. Тео смотрел на Учителя не отрываясь, и стало видно, что он начинает понимать серьёзность момента и сейчас должен выслушать Пифагора до конца, не перебивая и не отвлекая его на глупые реплики или шутки. Было видно, что начинается серьёзный разговор. Лицо Пифагора перестало улыбаться. Оно стало спокойным и серьёзным.

– Тео, наш мир действительно находится в серьёзной опасности. Видишь ли, не вдаваясь сейчас в детали и подробности внутреннего устройства мира, чтобы ты понял и осознал логику событий и действий, я должен тебе рассказать о том, как работает глобальный процесс развития любой человеческой цивилизации.

Высшая Школа

– *Представь себе некий большой класс в школе. Там у каждого ученика есть множество предметов, которые он должен освоить и на практических занятиях продемонстрировать то, как был усвоен материал и полученные знания, то есть экзамены в реальных жизненных ситуациях.* То, что человек не усвоил в течение жизни или не смог пройти экзамен, ему придется учить заново и еще раз сдавать этот конкретный экзамен. Как только человек снова родится – он опять вернется в класс, и начнется его новый «урок». И так далее. Это довольно подробно и в деталях описано в древнеиндийских, древнеегипетских и других текстах. Ничего тайного или нового в этом нет.

– Ну да, я слышал, есть такая теория, называется реинкарнация, – сказал Тео, внимательно слушая Учителя.

– Это не теория, Тео. Мне не нужно в это верить, потому что я это знаю. Я хорошо и давно помню все свои прошлые жизни. Ты можешь это прочитать обо мне в книгах твоего времени – у того же Ямвлиха, или у Диогена Лаэртского, – они подробно рассказывали о нескольких моих последних воплощениях – с деталями и вещественными доказательствами. Я подробно описывал людям свои прошлые жизни, давая те детали, которые они могли бы перепроверить. И делал это только для того, чтобы фактами доказать и подтвердить людям истинность того, что я им говорил. И сейчас я говорю это тебе с той же самой целью. Поэтому для меня это не теория. Я не рассказываю тебе, Тео, то, во что я верю, но рассказываю только то, что точно знаю и испытал на себе.

– Поэтому я сейчас здесь, у вас?

– Да, но не только поэтому. Около 2500 лет до твоего рождения, примерно в одно и то же время, родились несколько Учителей. Их задачей было создать базу для качественного перехода своих народов, своих рас на новую интеллектуальную ступень развития. Человеческая цивилизация тогда уже подошла к концу своего «дикого периода», и ее требовалось вывести на новый уровень – дать ей основу, прочный интеллектуальный, а главное – культурный и научный фундамент для будущей науки, культуры, социальной культуры общения. У каж-

дой расы есть своя специфика – культура, мифология, менталитет и так далее. Поэтому было послано несколько учителей. К примеру, Лао Цзы в Китае, для Азии, Гаутама Будда – в Индии, а твой покорный слуга – в Европе. Мы все родились примерно в одно и то же время и действовали каждый на своей территории, также одновременно. Но специфика деятельности каждого из нас определялась культурными особенностями наших рас и народов. Я основал Школу первой европейской элиты, и мы с учениками создали основу для нашей европейской цивилизации – такой, какой мы ее сейчас знаем. И в твоё время, когда наша цивилизация оказалась под угрозой полного разрушения, логично вернуться к первоистоку. Поэтому ты здесь. Но давай я продолжу обо всем по порядку, чтобы постараться нарисовать тебе логичную и понятную картину.

Тео кивнул с серьезным видом. У него, конечно, мелькнула мысль, что, возможно, это признаки шизофрении, но что-то внутри Тео говорило, что тут было нечто неуловимое, но очень веское, убеждающее его верить Учителю и всему тому, что тот говорит.

– Итак, вернемся к образу школы. Представь себе, что в некоем классе группу учеников заперли на урок. На столе у каждого есть экран, на котором транслируется материал урока, задаются вопросы, и ученик должен отвечать. Все экраны связаны между собой в одну сеть, и ученики могут общаться между собой, тоже посредством этих экранов. Таким образом, весь процесс построен и работает полностью в автоматическом режиме, и ученику не обязательно знать, что происходит снаружи, за дверью класса, и что его там ждет, когда урок закончится и он выйдет из класса, – все построено вполне понятно, интуитивно и не требует предварительных знаний. При должном желании человек может пройти все обучение безо всякой сторонней помощи. Именно поэтому есть поговорка, что совершенно ни во что не верующий атеист, ведущий праведный образ жизни, гораздо ближе к Богу, чем глубоко верующий агрессивный плут. . . После окончания своего урока каждый ученик выходит из класса, где его учителя будут с ним разбирать результаты его тестов и, если нужно, запустят его снова в класс, на новое место, для нового урока, который будет построен с учетом прошлых результатов.

– Это же сколько нужно учителей на всех учеников? Миллиарды?

– Когда ты встретишь своего настоящего учителя, то сразу поймешь, как все устроено и как это работает. Я не могу сейчас это раскрывать, для твоего же блага. Только скажу, что у каждого ученика – свой Учитель. Система построена насколько просто, настолько и гениально. В классе можно найти книги, написанные разными учителями, где есть разнообразные советы ученикам (я имею в виду различные священные писания). Ученик может прочитать какую-то из них, может поверить им, а может и не поверить. В любом случае это только помощь и подсказки. Никакая книга не пройдет урок за ученика. А успешно ли пройден урок или нет, ученик узнает только тогда, когда выйдет из класса после окончания этого урока. Если ученик полностью и успешно закончил обучение в этом классе – сюда он больше не вернется, если только сам об этом не попросит. Его переведут в другой класс, в другой комнате, а возможно, даже и в другом здании. Это все метафоры – и, я надеюсь, со временем ты поймешь, что именно они означают. Если ты конструктивно согласишься на утверждения священных книг большинства традиционных верований – ни одна из них не противоречит тому, что я сейчас сказал. Более того, каждая традиционная вера твоего времени, а также другие, более древние верования – будь то Майя, Зороастризм или другие – описывают по-своему, с разных сторон, но один и тот же процесс. Одно и то же, просто с разных сторон и разными словами. Конечно, если ученик не собирается учиться и не следует ни советам Учителей, ни своим собственным, то каждый урок для него будет пустым, и большинство тестов провалится, а время учебы, как и количество попыток, не бесконечно, и когда-нибудь они заканчиваются.

– Но, Учитель, если на минуту согласиться с вашей теорией, то это будет означать, что со временем люди на Земле должны становиться все лучше и лучше, но это противоречит тому, что мы видим.

– Хороший вопрос. Чтобы получать правильные ответы, нужно задавать правильные вопросы, – улыбнулся Пифагор. – Итак, если мы говорим, что по мере совершенствования ученик переводится в класс выше, то это означает только одно: со временем в этом нашем классе остается все меньше «успешных учеников» и все больше остается тех, кто, в принципе, «не тянет учебу», и однажды настанет момент, когда дальнейшее обучение этого конкретного класса теряет смысл. Тогда весь класс «расформировывается», и затем, через время, в этой классной комнате начнется новый «учебный сезон», с новыми учениками, и все происходит заново. Что происходит с не справившимися учениками «расформированного класса»? Этого я тебе сейчас не скажу.

Для лучшего понимания картины, приведу другой метафорический пример – представь, что тебе нужно просеять муку через сито. Ты просеял всю муку один раз, потом оставшиеся комочки просеял еще раз, чтобы отделить оттуда оставшуюся хорошую муку. Затем еще раз. Но потом, когда в сите остаются одни комочки, дальше просеивать уже нет смысла, так как полезного материала там уже нет или ничтожно мало. И тогда оставшийся мусор просто выкидывают.

А теперь, давай посмотрим на то, о чем нам пытались рассказать различные сказания и мифы древних. Почти все традиционные верования говорят нам о спасении. Каждое рассказывает о том, что, следуя именно этой вере, человек может спастись. Многие рационально мыслящие люди вполне логично задают вопрос: а от чего мне нужно спастись? Я и так вполне комфортно живу! Но если ты считаешь тексты древних майя, или шумеров – они пишут, что мы уже пятая или шестая цивилизация людей, живущая на Земле. Предыдущая была уничтожена «великим потопом». Та, что была до потопа, была уничтожена «большим огнем», и так далее. Наша цивилизация, по их утверждениям, будет уничтожена тем, что «Земля сделает движение». Что это значит – можно только предполагать и догадываться. Мы далеко не первые на этой планете, мой друг, и, надеюсь, не последние. И в твоё время археология находит этому очень много фактических подтверждений. Есть масса артефактов, найденных на глубине, соответствующей от нескольких тысяч до нескольких миллионов лет, которые прямо говорят о наличии высокоразвитых цивилизаций в далеком прошлом – ни одну из таких находок ваша современная наука объяснить не может. И вот это и есть – окончание «учебных сезонов» и «расформирование классов». Обучение и тесты могут проходить только в процессе жизни. К примеру, уничтожил «большой огонь» прошлую человеческую цивилизацию – и все, нет больше ни рождений, ни смертей; человечество пока вообще не может жить на этой планете в течение длительного времени, пока эта территория физически непригодна для жизни. И тогда, как говорится, кто не успел – тот опоздал. Кто «спасся»? Это те, кого перевели в следующий класс. А те, кто не успел, – все, для них двери этого класса теперь закрыты, а в новый они так и не попали. Через значительный промежуток времени, когда «класс будет снова готов принять новых учеников», в него запустят уже новую группу студентов, и все начнется заново.

В иудейском и христианском писании (Тора или Ветхий Завет, что есть одно и то же) описан миф, как Бог решил уничтожить огнем город Содом. При этом Лот спрашивал у Бога, уничтожит ли он Содом, если там найдется определенное количество праведников? В итоге Бог не находит в этом городе даже минимального количества праведников и уничтожает его огнем. Ничего не напоминает? Требуемые усилия уже не оправдываются возможным результатом – хорошей муки в сите больше нет, и «класс расформировывают», то есть город уничтожается огнем. Не находишь, что это та же метафора об уничтожении предыдущей цивилизации огнем, о чем писали священные книги Майя?

Почему следование традиционной религии помогает спастись? Да все просто – потому что каждое традиционное верование, прежде всего, учит человека «дисциплине и методике обучения в классе», учит использовать советы Учителей, настраивает человека на верный путь и ставит на правильные рельсы. Хороший пример – те самые заповеди. У древних египтян их

42, а в сокращенном виде – 22. У иудеев и христиан – 10, у буддистов – 5 главных заповедей, а Айзек Азимов сумел и вовсе сократить их до 3-х. Но суть-то остается у всех неизменной – составить и очертить понятные и разумные рамки правильного поведения и сосуществования людей. Каждый, любой такой свод правил – заповедей – всегда об одном и том же, только разными словами и с разным уровнем подробностей и деталей.

Единственный ли это путь? Конечно, нет. Может ли человек, верующий только в строгую науку и деревянный ящик в конце жизни, успешно закончить обучение? Вполне может. Только ему придется опираться только на себя, свою совесть и свои ошибки. Это как самому выучить математику без преподавателя. Сложно, но можно. Вообще, древние тексты нам не вдали, они говорили правду, но эта правда была сильно зашифрована специальными ключами.

И еще, большая проблема для твоего поколения и твоего времени в том, что все эти древние священные тексты написаны уже сильно устаревшим и архаичным для вас языком, который был вполне годен для своего времени написания, но сильно устарел для твоего времени и твоих современников. Там все написано метафорически, рассчитано на архаичных и необразованных людей, не обладающих абсолютно никакими научными знаниями, и потому настоящую суть и смысл таких писаний понимают очень не многие. Но в то древнее время по-другому было и нельзя – у людей не имелось достаточных знаний, чтобы понять больше. И как результат – в твоё время твои современники эти тексты отвергают, считая их примитивными и глупыми.

Что делать? И зачем?

– Однако вернемся к теме твоей миссии. Те, кто в твоё время управляет человеческой цивилизацией, – на максимально полном ходу ведут её к состоянию Содомы и Гоморры. Мы уже упоминали, что стало с этими городами, не так ли? Разработаны и используются специальные технологии по манипулированию массами – умы людей массово отключают от самостоятельного мышления и подключают к контролируемым социальным сетям, где в масштабах целой планеты всем внушают, во что и кому верить, а кого и как ненавидеть. Вместо того чтобы приучать людей к дружбе и любви, их все больше учат ненавидеть и убивать, а также как самостоятельно и эффективно быть независимыми от других, себе подобных, что на деле является, по сути, добровольной социальной самоизоляцией. Люди все больше походят на домашних животных в цифровых клетках, где единственный смысл их жизни заключается в потреблении и самостоятельной изоляции от других, себе подобных. А повсеместное распространение и насильственное навязывание разнообразной мерзости и извращений – такое, что людям не оставляют шанса вырасти и быть нормальными. Ложное чувство защиты своих личных прав от других, себе подобных, на самом деле, выливается в обычное одиночество. А самой массовой верой и идеологией стали деньги. Причем, в большинстве своем, даже не деньги ради цели, а просто деньги ради денег. Это даже имеет свой термин – плутократия. Если в твоём далеком прошлом люди говорили: «Все ради Господа», – затем: «Все ради справедливости», – то теперь основная масса говорит: «Все ради денег». И человечество лишают шансов себя исправить.

Еще один крайне важный аспект: в твоё время несомненным лидером влияния на массовое сознание всего человечества являются Соединенные Штаты Америки – со своими фабриками фильмов и компьютерных игр, с самыми распространенными социальными сетями и другими методами массового воздействия на сознание людей.

Хочу тебе рассказать, что сразу после Второй мировой войны, на фоне новой разворачивающейся холодной войны, США решили значительно укрепить свои специальные службы. И вот после одного из проведенных исследований, заключение их обновленных спецслужб было таким, что американский народ слишком миролюбив и не готов к потенциальной войне. Психологический порог у среднего американского солдата слишком высокий, чтобы нажать на курок и кого-то убить. Правильность этого вывода наглядно показала война США во Вьет-

наме, где огромное количество солдат страдали поствоенными депрессиями, как результат того, что они там совершали. И вот отчасти из-за подобных выводов в Америке были запущены военные психологические исследовательские программы по массовому воздействию на сознание людей. Как пример можно привести специальные программы «МК Ультра» и «Синяя Птица».

Для понижения психологического порога способности «нажать на спусковой курок» были разработаны специальные фильмы и компьютерные игры, которые популяризировали убийства, и где качество главного героя определялось способностью эффективно убивать. А все люди хотят подражать главным героям, не так ли? И вот эти информационные продукты изначально использовались для психологической обработки военных. Затем оказалось, что такие фильмы, а затем и игры, вырабатывают у зрителей много адреналина и имеют значительный коммерческий успех, и они вышли в массовый прокат. Результат – психологический порог убийств себе подобных начал массово опускаться по всему миру. Это нельзя назвать ничем иным, как катастрофой.

В том состоянии, в котором оказалась наша цивилизация в твоём времени, – её дальнейшее развитие теряет смысл. И сейчас уже даже не важно, кто быстрее нас уничтожит – Высшие Силы или сами люди. Но если ты сейчас здесь, то у нас есть шанс побороться за продолжение нашего существования. Я не знаю, сколько у нас осталось времени, Тео. Но судя по тому, что тебя отправили ко мне сейчас, времени в запасе немного, но должно быть достаточно. Всегда нужно помнить: «Природа никогда не спешит, но у неё все всегда вовремя».

Тео слушал, широко открыв глаза. Его рот оставался приоткрытым, как будто он или забыл его открыть, или от удивления он больше полностью не закрывался. Пифагор понял, что Тео не способен сейчас ничего ни говорить, ни спрашивать. И он продолжил:

– Ученые считали, что самая большая опасность для человечества, которая может угрожать его массовой гибели или уничтожению, исходит извне – она могла исходить от истощения природных ресурсов, от удара метеорита, от какой-то неожиданной эпидемии или болезни, или от какой-то другой внешней угрозы. Люди пытались предвидеть, что им может серьезно угрожать, и искали способы и меры защиты от таких возможных угроз. Но оказалось, что самым большим врагом человеческой цивилизации является сам человек.

Мой дорогой друг, Лао-Цзы, говорил: «Враги человека не демоны, а такие же люди, как он сам». Понимаешь, дорогой мой Теодор, с начала времен выяснилось, что человек может уничтожать себе подобных намного эффективней, чем дикие звери, болезни и природные катаклизмы. И он постоянно совершенствует свои навыки. Но человек в твоём времени начал делать нечто более чудовищное. То, чего никогда ранее в истории не было, – люди стали массово уничтожать себе подобных не только снаружи (физически), но и внутри (душевно), максимально блокируя любые возможности для душевного и духовного восстановления. На протяжении веков, чтобы держать людей и всю цивилизацию в рамках, были созданы законы нравственности и морали. Все эти банальные для тебя понятия – на самом деле, чрезвычайно важный социальный договор между всеми людьми для их благополучного сосуществования: *«Я уважаю тебя и не нарушаю твои интересы, а ты уважаешь меня и не нарушаешь мои интересы»*. Взаимное соблюдение этого договора обеспечивало выживание и относительно спокойное развитие нашей цивилизации, хоть и не без проблем. Основными источниками правил этого социального договора – морали, этики и нравственности – всегда выступали религиозные учения. Их главной частью являлись правила, как человеку надлежит жить.

Но всегда есть люди, которые не верят ни в какие верования. Тогда, получается, что их эти законы нравственности не касаются? И вот отчасти из-за этого, а также из-за того, что в религиозных учениях описано только как нужно поступать, но не написано, что делать здесь и сейчас, если эти правила кем-то нарушаются, не без моей помощи был создан свод законов, который описывал обратную сторону – чего делать нельзя и какие наказания в нашем челове-

ческом мире последуют в случае нарушения того, чего делать нельзя – и верующим, и неверующим. Законы эти уже не «небесные», а земные, и, соответственно, наказания за их нарушение предусматривались также земные. Религиозные предписания и земное законодательство являлись двумя основными столпами, на которых держалась и развивалась наша цивилизация.

Да, не всегда и не все шло гладко. Но, по большому счету, это работало, и человечество существовало и развивалось. А основным маяком и эталоном, что хорошо, а что плохо, всегда выступали нравственные законы религиозных верований, а не уголовный кодекс.

В твою эпоху, Теодор, произошло фундаментальное разрушение этой основы. В твоё время, всеми силами разрушаются любые общечеловеческие ценности, а все, что касается нравственности, этики и морали, считается ретроградством. Людям массово навязываются разнообразнейшие мерзости, которые у вас называются «прогрессом» и «образованностью». Новая парадигма современной жизни: «Все, что не запрещено законом – разрешено», – и никакие общепринятые этические и моральные ориентиры больше не действуют. На самом же деле, все это имеет лишь одно последствие – уничтожение нашей цивилизации. Как я тебе уже сказал, сейчас, в твоё время, создалась среда, в которой дальнейший прогресс человеческой души в тех условиях больше невозможен. Такая цивилизация, с точки зрения Высшего Разума, больше не имеет смысла. Это как если бы учебный кабинет был заполнен удушающим газом – дальнейшее обучение в этом классе лишено всякого смысла. Что произойдет затем? Этот класс в ближайшее время будет разрушен. И снова скажу: сейчас уже не важно, кто это сделает раньше – Высший Разум или сами люди.

Тео, казалось, переварил первый шок и был снова способен к осознанной беседе.

– Учитель, если вы хоть немного знаете атмосферу жизни моего времени, то должны знать, что в наше время спасти мир можно только в обтягивающих трико с трусами поверх них. И обязательно маска на половину лица. Потому что без маски все люди увидели бы на этом лице уродство крайнего тщеславия, самолюбия и высокомерия «героя» по отношению к обычным людям. Я не готов надеть трусы поверх трико и надеюсь, что я еще не такой самовлюбленный, чтобы скрывать это под маской, так что никак не могу спасти наш мир!

– Я смотрю, ты начинаешь понимать суть вопроса, – одобрительно ответил Пифагор, уловив смысл сарказма Тео.

– В наших модных фильмах, – продолжал Тео, – люди пытаются спасти человечество тем, что убивают негодяев, кто делает критически опасные вещи в будущем. Вы, видимо, от меня ожидаете чего-то подобного? Отыскать тех главных мерзких злодеев и убить? Но для этого я, абсолютно точно, не самый подходящий человек! Для этого нужен кто-то со специальной подготовкой и опытом! Ну какой из меня суперубийца?

– У меня для тебя важная новость, – серьезным тоном ответил ему Учитель. – Убийствами людей не спасают, а уничтожают. Это очевидно. В этом как раз и проблема вашего времени. Вам из каждого угла льют в голову самые разные картины и иллюзии убийств – в фильмах, компьютерных играх и так далее. Идея убить всех плохих во имя всех хороших уже не раз доказывала, что истина – именно в обратном. Одним из последних больших апологетов этой идеи в твоё время, который особенно отличился, – был молодой австрийский художник по имени Адольф, а по фамилии Гитлер. Мы все знаем, что из этого вышло. Убийствами – убивают. А чтобы их спасти, нужно сделать ровно обратное: убедить людей в том, что для того, чтобы всем вам выжить, вам нужно перестать убивать. Всем следует снова договориться и снова вернуть обратно и строго соблюдать тот изначальный социальный договор: «Я уважаю тебя и твои интересы, а ты уважаешь меня и мои интересы». Многим часто кажется, что они сильнее кого-то другого и могут безнаказанно ущемить интересы этого другого в свою пользу, без ущерба для себя. А кому-то другому покажется, что он сильнее первого, и так далее – это прямая дорога к хаосу и аду.

Как известно, зло пожирает само себя. А только соблюдение и уважение этого взаимного социального договора – то, что называется нравственностью, – это единственный путь к вашему выживанию. Звучит старо, банально и наивно, но это так. Да, Тео, ты не можешь восстать против системы, да это и не нужно. В процессе нашего общения у тебя еще будет возможность убедиться, что слом любой системы власти несет только большее ухудшение ситуации. Систему нельзя ломать. Ее нужно исправлять.

– Что же я тогда должен натворить, чтобы помочь исправить эту надвигающуюся глобальную катастрофу? Я даже не могу себе представить! Ходить с табличкой: «Люди, покайтесь, пока не поздно! Грядет конец света»? – так у нас в Афинах подобных сумасшедших в центре города и так предостаточно. Выступить на центральной площади с проповедью? Так мои лучшие слушатели точно будут санитары из ближайшей больницы для душевнобольных. Я не представляю, что можно сделать. И даже в каком направлении? В моем времени те, кто нами управляет, живут в своем виртуальном пространстве. Для них обычные люди – это муравьи. Если к вам в лесу подойдет муравей и постарается вас в чем-то убедить, то результат будет однозначный – его или раздавят, или не заметят. В самом лучшем случае – просто пожалеют и пнут ногой с дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.